

АЛЕКСАНДР МАЗИН

БЕЛЫЙ ВОЛК

Викинг

Александр Мазин

Белый Волк

«Автор»

2011

Мазин А. В.

Белый Волк / А. В. Мазин — «Автор», 2011 — (Викинг)

Сбылась мечта мастера исторического фехтования и большого любителя всего средневекового Николая Переляка. Он – в девятом веке. И он – викинг из команды славного ярла Хрёрека-Сокола. Впереди – великий поход во Францию, но сначала надо перезимовать на датском острове Роскилле, владении самого сильного и жестокого из норманнских конунгов – Рагнара Лотброка. Те, кто думает, что зимовка в компании датских викингов – это непрерывный пир с друзьями-воинами и веселыми девчонками, не совсем прав. Еще есть бодрые кровавые праздники в честь местных богов и развеселые норманнские игры, из которых не каждому удаётся выйти целым и невредимым. А также безбашенные берсерки, агрессивные соседи и красавицы датчанки, которых не стоит трогать руками без разрешения, чтобы не остаться без рук. Словом, скучно не будет. Ни герою, ни читателю.

© Мазин А. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава первая,	7
Глава вторая,	12
Глава третья,	16
Глава четвертая,	18
Глава пятая,	23
Глава шестая,	27
Глава седьмая,	32
Глава восьмая,	36
Глава девятая,	42
Глава десятая,	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Мазин

Викинг: Белый Волк

Пролог

Заветная мечта конунга Рагнара

– Рим! – провозгласил конунг и громко рыгнул. – Вот что я хочу! Вот где мы возьмем настоящую добычу и настоящую славу!

Над длинным столом, за которым вольготно расположились конунги, ярлы, хёвдинги и прочие джентльмены норманских дружин, собравшихся в Роскилле для совместного вика, на мгновение повисла тишина. Сквозь завешенные бычьей шкурой двери внутрь проникли приглушенные звуки лагеря: громкие голоса, лязг, стук, визг поросенка и не менее визгливый голос женщины, распекающей нерадивого трэля...

– Я с тобой, отец! – первым подал голос Хальфдан, самый молодой из присутствовавших здесь сыновей Рагнара Лотброка.

Остальные помалкивали. Хмурил лоб Сигурд Змей в Глазу. Беззвучно шевелил губами, подгоняя мысли, Бьёрн Железнобокий, получивший свое прозвище за то, что ни разу не был серьезно ранен. Искося поглядывая на брата, кривил рот усмешкой Ивар Бескостный, самый умный и хитрый из сыновей Лотброка. Молчали братья Уббе и Харальд... Не потому что испугались. Слова отца следовало обдумать.

Молчали и остальные вожди: все – родичи и доверенные люди Рагнара-конунга. Величайший из викингов Дании вновь поразил их дерзостью замысла.

– Одину это понравится, – наконец произнес Сигурд. – Но думается мне: лучше было бы пощупать франков, как мы и собирались.

Сигурд говорил «мы» с полным правом. Тот, у кого под началом дюжина боевых кораблей, вправе давать рекомендации отцу. Даже такому, как Рагнар Лотброк.

– Франки. – пророкотал Рагнар. На его лице появилось выражение, сделавшее конунга похожим на кота, который обнаружил забытый на столе кувшин сметаны. – Карл Лысый¹. Ему не впервой поджимать хвост. Верно, сынок. С него-то мы и начнем! Но каждый из вас. – тяжелый взгляд из-под насупленных бровей прошелся по собранию, ненадолго остановившись на каждом из вождей, – каждый из вас должен помнить: Рим! Вот город, который принесет нам славу! Однако. – взгляд конунга вновь прошелся по суровым лицам родичей и соратников, – болтать об этом не следует.

Никто из присутствовавших на том совете норманских вождей не был склонен к болтовне. Тем более, после предупреждения самого Рагнара Лотброка. Но каждый счел необходимым поделиться с ближайшими соратниками.

Так что я узнал о стратегической цели конунга под большим секретом от своего командира-хольда Трувора-варяга. А он – от кормчего Ольбарда Синеуса, тоже варяга и двоюродного брата Трувора. Сам же Ольбард получил информацию из первых рук – от нашего лидера Хрёрека-ярла, по прозвищу Сокол, который, будучи Инглингом, то есть человеком древнего

¹ Карл Второй Лысый, сын Людовика Благочестивого, первый король Франции, которая досталась ему при разделе отцовских земель по Верденскому соглашению. В описываемое время, то есть в 844 году, Карл потерпел серьезное поражение при попытке вернуть себе контроль над Аквитанией. Желющие подробностей могут обратиться к историческим материалам или подождать, пока до этого дойдет данное повествование.

королевского рода, к каковому относился и сам Рагнар Лотброк, по праву присутствовал на стратегическом совещании.

Дальше меня эта информация не пошла, но через неделю о грандиозных планах Рагнара-конунга знали абсолютно все в нашем хирде. Надо полагать, и в других дружинах-хирдах соединенного норманского воинства тоже были в курсе будущей весенней кампании. Правильно говорят: «Знают трое, знает и свинья».

Но большой беды в этом не было. Ведь это были наши, норманские свиньи. Судоходный сезон был завершен. Редкие иностранные купцы, которые осмеливались посещать Сёлунд, давно отбыли восвояси, а среди боевых команд франкских шпийёнов не встречалось. То есть за хорошие, вернее, за очень хорошие деньги многие из викингов поделились бы информацией с заинтересованными лицами. Но денег этих моим коллегам никто не предлагал, а сами они продавать секретные сведения не рвались.

Так что утечки в южном направлении не было. Зато в северном – сплошь и рядом. Вожди скандинавов, вербующие сторонников, не скрывали, что дело предстоит грандиозное. И прозрачно намекали: мол, пощупаем потомков Карла Великого до самой печени, а сидящих на серебре и злате епископов – до самой вершины пирамиды. Умные правильно понимали намеки. Глупым растолковывали умные.

Но в ту осень у меня, Ульфа Черноголового (в иные времена носившего гордое имя Николая Григорьевича Переляка), хускарла из дружины Хрёрека Сокола, были дела поинтереснее, чем сбыча мечт Рагнара Волосатые Штаны.

Куда более актуальной темой для меня были молодецкие игры, которым в свободное от основной работы время самозабвенно предавались мои собратья по профессии, славные скандинавские викинги. Спорт всегда был моей слабостью. Слабостью в хорошем смысле этого слова.

Глава первая, в которой у меня появляется догадка о том, почему Ивара Рагнарсона зовут Бескостным

Северяне любят два типа игр. Силовые и экстремальные. А лучше – оба варианта сразу. Например, устроить заплыв через фьорд – кто быстрее. А чтоб не замерзнуть в холоднющей воде, согреться пытаясь друг друга утопить.

Еще тут популярна игра в мяч. Этакая помесь лапты и хоккея, в которой друг друга лупят палками едва ли не с большей интенсивностью, чем скатанный из шерсти мячик. Травм – море. Бывают даже смертельные случаи. Правда, мой добрый друг датчанин Свартхёвди Медвежонок пояснил, что большая часть таких смертоубийств – завуалированные дуэли. Неофициальные хольмганги. «Чистые» от кровной мести поединки. За того, кто погиб во время игры, мстить не положено. И виру за него платить необязательно. Главное, чтобы свидетели подтвердили, что смерть – случайность. Думаю, это и есть случайность. Порешить простой палкой викинга – это надо очень постараться. Или очень удачно попасть.

В мячик я не играл. Зато поучаствовал в перетягивании каната, где в силу своих природных размеров (на ладонь пониже и на пуд полегче среднестатистического викинга) победу своей команды не приблизил. Затем, набравшись храбрости, съехал на бревне с крутого склона. В составе банды, возглавляемой опытным в этих делах Треской. Не свалился, хотя, поверьте, это было непросто.

Больше всего меня привлекала борьба. Обычная, без оружия. Поначалу я думал, что против плечистых гигантов с ручищами-капканами не потяну. Но выяснилось, что за время нашего плавания мои кисти тоже накачались будь здоров. А главное, драка без оружия никогда не была у господ викингов приоритетным видом спорта. Не говоря уже о настоящем искусстве рукопашного боя. А я как-никак пришел из времени, когда единственным разрешенным оружием мужчины являются его кулаки и ботинки. Ну и локти-колени, само собой.

Не скажу, что стал чемпионом (вот уж к чему не стремился), но не меньше половины местных борцов я в пыли повалял. Меня же валяли гораздо реже: в отличие от остальных, в руки я не давался. С моим смешным по местным меркам весом любой захват тут же превращался в полет по непредсказуемой траектории. Поскольку боролся я «неправильно», то видеть меня в качестве противника никто особо не стремился. Тоже понятно: победить такого малыша – славы не много. А проиграть тому, что носом тычется тебе в бороду, – обидно.

Очередные соревнования начались традиционно. Желющие потискать друг друга выстроились впереди. И занялись поочередным швырянием друг друга наземь.

Поначалу – те, кто послабее. Потом – середнячки. И наконец – местная борцовая крутизна: двухметровые гиганты шириной с полуторный диванчик.

То есть всё шло как обычно, пока толпа вдруг не раздвинулась, пропуская еще одного борца.

Точнее, даже не раздвинулась – подалась в стороны, образуя коридор, по которому в круг вступил новый соискатель.

Я узнал его сразу и тотчас понял, почему этого человека безбашенные викинги даже задеть опасались. Ивар Бескостный.

Никто из сыновей Рагнара Лотброка не внушал большего уважения, чем Бескостный. О жестокости Ивара ходили легенды. Он мог убить человека лишь потому, что тот неуважительно на него посмотрел. Причем не просто убить, а выпустить кишки и с интересом наблюдать, как

умирающий корчится у его ног от нестерпимой боли. И не было случая, чтобы Ивар заплатил виру за такое убийство. Он не боялся ни мести родичей, ни суда тинга.

При этом он беспрекословно повиновался отцу и ни разу никто не слышал о том, чтобы Ивар поссорился с кем-то из братьев. О нем говорили, что он хитер, как Локи, и способен обмануть даже самого Одина. Собственные хирдманы преклонялись перед ним как перед богом и готовы были по его приказу броситься хоть в жерло вулкана. Причем в полной уверенности, что выберутся оттуда живыми, потому что Ивар Рагнарсон был невероятно, потрясающе удачлив. Он никогда и никому не проигрывал. Из любого похода он возвращался с добычей, от тяжести которой корабли едва не черпали бортами, а его викинги гибли не чаще, чем мирные бонды.

– Пожалуй, и я попробую, – лениво процедил Бескостный и принялся неспешно разоблачаться. Сначала – украшения, потом – обереги, за ними панцирь, рубаха и, наконец, пояс с оружием.

Кожа у Рагнарсона была молочно-белая и гладкая, как у женщины. Ни одного серьезного шрама. Большая редкость для того, кто прошел через сотни схваток. Сложен Бескостный был просто замечательно. Как и подобает природному викингу в двадцать с небольшим. Но я сразу усомнился, что ему светит чемпионство в этом виде состязаний. Тут, блин, такие тяжеловесы сходились, рядом с которыми даже мой закадычный приятель Стюрмир, самый тяжелый из хирдманов Хрёрека-ярла, выглядел не очень-то крупным.

Ивар вышел в центр круга и приглашающе развел руки: ну, кто готов со мной побороться?

Как ни странно, никто из присутствующих не проявил энтузиазма. А ведь еще пару минут назад не меньше двух десятков борцов оспаривали друг у друга право на следующий поединок.

Я покосился на наших. Стюрмир глядел в землю. Оспак Парус, прозванный так за необъятную ширину груди, – аналогично. Остальные тоже не горели энтузиазмом. И наши, и не наши.

Наконец какой-то громила из халогаландских² норегов выдвинулся вперед. Весил он, наверное, раза в полтора больше, чем Ивар. И хитрить не стал: бросился вперед и сграбастал Рагнарсона так же простодушно, как распаленный викинг хватает убегающую девку.

Только Ивар не убежал.

Он совершенно спокойно дал себя сцапать, а потом невероятно гибким движением вывернулся из могучих грабок.

Получилось это так легко, будто Ивар был не человек, а смазанная жиром нерпа. Раз – и халогаландец самозабвенно душит пустоту, а Рагнарсон тем временем преспокойно цепляет ногой ногу норега и толчком в спину бросает халогаландца мордой в пыль.

Ивар пнул распростертого у ног норега по заднице – и засмеялся. Даже мне этот смех показался неприятным. А уж халогаландцу.

Норег вскочил быстрее, чем лошадка роняет яблоко. И с разворота нанес Рагнарсону мощнейший удар, который Ивар в лучших традициях еще не созданного хапкидо перехватил, дернул – тоже с разворотом, от души, будто намеревался раскрутить противника каруселью. Норег проскочил мимо Ивара и опять, попавшись на подножку, полетел мордой в землю. Но на этот раз Ивар не отпустил его ручищу, а переломил ее о подставленное колено. Будто жердину. Халога–ландец взвыл. Рагнарсон разжал пальцы, и бедный громила, перевернувшись, грохнулся оземь. Как раз сломанной рукой. И выпал из реальности.

Друзья тут же подхватили норега и унесли. Ивар продемонстрировал публике безупречный прикус. Типа, улыбнулся.

– Кто еще готов порадовать Одина? – поинтересовался он.

² Халогаланд (Халейгя) – область Норвегии.

К моему удивлению, противник отыскался сразу. Рыжий веснушчатый молодец, плечистый и жилистый. Лидер ватаги ирландских пиратов. Бороться с ним мне не приходилось, но я видел, как он управлялся с другими. Неплохо управлялся.

– Давай-ка со мной, Бескостный! – Рыжий скинул рубаху, поплевал на ладони и встал напротив Рагнарсона.

– Ха! Красный Лис! – Оскал Ивара стал почти дружелюбным. – Как думаешь: сколько времени мне понадобится, чтобы подмести твоим хвостом эту площадь?

– Думаю, много, – хладнокровно ответил рыжий, встряхивая собранной кожаным ремешком гривой. – Площадь-то немаленькая.

По тому, как они сошлись, я сразу понял: эти двое – давние знакомцы. Никаких «предварительных ласк». Секунда – и два здоровяка давят друг друга в объятиях. Да так, что у обоих ребра хрустят. Впрочем, это было не тупое состязание в силе. Ноги борцов активно взбивали пыль: каждый старался «поймать» противника и вывести из равновесия. Рыжий был хорош, но я почему-то не удивился, когда Ивар оказался ловчее. Упали-то они оба, но Ивар оказался сверху, и локоть его очень удобно упирался рыжему в горло.

Однако калечить его Бескостный не стал.

Рыжий просипел: «Твоя взяла...» – и Рагнарсон упругим прыжком встал на ноги.

Третьего противника ему пришлось ждать долго. Так долго, что он его не дождался. А не дождавшись, выбрал сам. Меня.

Устремил на меня взгляд убийцы и, в очередной раз продемонстрировав завидный набор зубов, поинтересовался:

– Не хочешь показать свою ловкость, хускарл? Обещаю, что не стану тебя убивать.

Не то чтобы я верил его обещаниям... Ивар славился вероломством. Однако ни одного подходящего довода, чтобы уклониться от поединка, в мою голову не пришло. Так что выбор был невелик: или драться, или потерять лицо.

И я вышел.

Ивар раскинул в стороны руки – признанный чемпион, желающий услышать аплодисменты своих фанатов.

Аплодисменты здесь не в ходу, но заорали датчане знатно. А Рагнарсон так и двинулся на меня: с распростертыми объятиями. Даже глядел куда-то в сторону.

Я не очень-то силен в рукопашке, но такой наглостью было грех не воспользоваться. Я ничтоже сумняшеся ухватил Ивара за руку да и швырнул.

Без страховки, разумеется. Здесь это не принято.

Упал Ивар хорошо. На руки. И тут же вскочил.

Не обиделся.

– А я, было, и забыл, что это ты зарезал Торсона – ярла! – соврал Рагнарсон с широкой улыбкой. Глаза у него при этом были холодные-холодные. – Думал: какой-то мелкий хускарл из Гардарики. – И не закончив фразы, бросился на меня, как леопард.

Я, однако, загодя понял, что Бескостный заговаривает мне зубы. И был готов. Перекат на спину – с упором в живот – и Рагнарсон мускулистой птичкой взлетел надо мной.

Если бы он вцепился в мои руки (нормальный рефлекс для того, кто вдруг теряет почву под ногами), то приложился бы качественно. Но Рагнарсон был хозяином своих рефлексов и руки разжал.

Ну да, не тот у Бескостного уровень, чтобы хряснуться спиной или паче того воткнуться головой в землю. Кувырок – и Рагнарсон уже в стойке. Я тоже вскочил через кувырок, только назад. Обернулись мы одновременно.

Под звуковое сопровождение, которое можно было трактовать как бурные аплодисменты.

Бросок Ивара был молниеносен. Он почти схватил меня, но я рыбкой кинулся ему в ноги и швырнул через себя. Не думайте, что это было легко. В сыне Рагнарсона было никак

не меньше шести футов роста и килограммов восемьдесят пять боевого веса. Что особенно обидно: бросать его было так же бесполезно, как кошку. А удерживать в захвате – бессмысленное занятие. Он был намного сильнее, а такими пальцами, как у него, можно куски мяса рвать, как клещами. Однако на этот раз я сам его не отпустил. Так что упали мы вместе. Причем я был сверху, а мой локоть пришел Рагнарсону точно в солнечное сплетение...

Рагнарсон даже не крикнул. Секунда – и мы уже поменялись местами.

Ивар оказался гибким, как питон. Не зря его прозвали Бескостным.

Я сам не понял, каким образом он так извернулся, но меня подбросило на полметра, а затем приложило лопатками оземь, а предплечье Ивара придавило мне кадык.

Только что Рагнарсон так же припечатал рыжего викинга. Вероятно, это его фирменный прием.

Вне всякого сомнения, Бескостный мог меня убить. Но он сдержал слово. К моему удивлению. Потому что в этот миг я заглянул ему в глаза и увидел в них ту силу, что поразила меня в святилище Одина. Увидел, понял, что этой силе безразличны любые обещания, – и решил: мне конец.

Но в следующий миг давление на мое горло исчезло, и вот Бескостный уже на ногах и протягивает мне руку!

Конечно, я ее принял... И могучий рывок едва не выдернул ее из сустава. Зато я вмиг оказался на ногах. Нет, у этого человека поистине исполинская сила. Думаю, он выиграл бы армрестлинг у любого из здешних двухметровых громил.

– Ты еще более хорош, чем я ожидал! – польстил мне победитель. – Если тебе захочется уйти от брата Хрёрека, на одном из моих кораблей непременно найдется для тебя скамья!

Голос сына Рагнара был приветлив, губы улыбались, но в глубине его глаз по-прежнему обитал Один. Ивар знал, что я чувствую присутствие Отца воинов. И улыбка его была искренней.

Мы с тобой одной крови, говорила эта улыбка. Так, наверное, Маугли заговаривал зубы какому-нибудь волчонку, чтобы натравить его на своих врагов.

Конечно, я не стал делиться с Рагнарсоном своими мыслями.

– Это было бы честью для меня! – изрек я учтиво. – Не думаю, что на землях Севера есть еще один вождь, способный превзойти тебя, Ивар Бескостный. Разве что твой отец Рагнар.

– Ты так говоришь потому, что не видел в деле моего брата Сигурда! – засмеялся Ивар. Отпустил мою руку, хлопнул меня по плечу и взял свою рубаху. Он провел три боя, но ухитрился не то что не выпачкаться в пыли, но даже не вспотеть.

А вот мне требовалась серьезная помывка. Учитывая здешние реалии – холодной водой и без мыла. Удовольствия немного, зато бодрит. Особенно после того, как тебя едва не убили.

Впрочем, рейтинг мой после этой истории в очередной раз подрос, а репутация отморозка еще больше укрепилась. Не скажу, что стал авторитетом, но замечания по поводу своей внешности и малого роста я слышал теперь только от друзей.

Да, кстати, должен отметить, что тот ледок, который имел место быть между мной и моим ярлом, тоже истаял.

Причиной тому был публичный застольный рассказ Свартхёвди Медвежонка о том, как Ульф Черноголовый гостил у него в поместье, и тайна его происхождения (Во как! Тайна! А я-то – ни сном ни духом!) была легко и непринужденно разгадана его мудрой матушкой. Цветистый и хвастливый (как тут и принято) рассказ этот перемежался историями из жизни дедушки Ормульфа и прадедушки Бьёрна, великого воина, который не побоялся взять в жены настоящую финскую колдунью.

Мне оставалось лишь порадоваться, что Медвежонок не видел, как я выползал на карачках из родового святилища. Вот где был материал для сатирического тоста.

На той же пирушке, в лучших традициях викингов (не оставляй на завтра то, что можно выпить сегодня), Хрёрек-ярл подозвал своего пьяненького хускарла Ульфа и учинил допрос.

Мой ярл (как и большинство здешних) очень внимательно относился к биографиям своих воинов. А в понятие «биография» здесь включались не только собственные подвиги субъекта, но и его родословная. Принцип «яблонька от яблони...» у скандинавов пользовался очень большим уважением.

Только познакомившись поближе с обычаями моего нового времени, я до конца осознал, как мне повезло. Хрёрек-ярл взял меня в хирд, ровно ничего не зная ни о моем происхождении, ни о моем прошлом. Да, он не раз пытался выяснить, откуда я такой взялся, но, натываясь на мою упертость, делал шаг назад. Что Хрёреку, мягко говоря, было несвойственно.

И каждый раз после такого разговора я оказывался на самой грани пинка под зад.

Только очевидная польза, которую я время от времени приносил дружине Хрёрека, удерживала ярла от этого самого пинка.

Но отныне – всё позади. У меня была официальная, принятая Рунгерд версия происхождения, которой я отныне и придерживался. По этой версии, моего папу (по паспорту – Григорий Николаевич Переляк) звали Воген Осторожный, и был он купцом. А матушка моя, которую родители окрестили Валентиной, по той же версии именовалась – Стек. Что значит – Сильная. Учítывая, что простолюдинке здесь подобных имен не дают, автоматически напрашивался вывод: матушка моя – хорошего рода. Ей – Богу, я не специально. Чистая импровизация. Но получилось неплохо.

Папа – купец, уважаемый человек. Мама – тоже из благородного сословия.

Имея столь серьезные «зацепки», Хрёрек вновь взял меня в оборот, но выдал совсем немного подробностей (Ври, да не завирайся!), например, что братьев и сестер у меня не было. Что я служил в войске своего «конунга» особым поединщиком (а как прикажете определить в понятиях Средневековья термин «спортрота»?) и покинул родной дом не из-за преследований властей, а исключительно в поисках приключений.

В заключение нашей беседы Хрёрек-ярл не удержался от краткого нравоучения. Мол, негоже благородному человеку странствовать в одиночестве. Этак не то что без штанов – без головы можно остаться. Зато в составе сильного хирда искать приключений легко и относительно безопасно. В качестве примера был приведен эпизод моего спасения из рабских колодок.

Я рассыпался в благодарностях (абсолютно искренне) и заверил ярла, что отныне буду пускаться в авантюры исключительно под крылом Сокола.

Хрёрек обнял меня и угостил пивом из собственного рога.

Я встал и произнес хвалебное стихотворение в том духе, что нет таких врагов, которых стоит принимать во внимание под знаменами моего ярла, ибо все они – просто добыча.

И процитировал весьма вольный и фрагментарный перевод стихотворения Пушкина «Узник», упирая на волю, кровавую пищу и на то, что в синеющих морских краях по-настоящему вольны лишь мы, непобедимые орлы Хрёрека Сокола.

За этот позорный плагиат я был удостоен еще одного рога (в смысле – с пивом), окончательно окосел и исполнил соло любимую колыбельную бабушки: «Дивлюсь я на небо тай думку гадаю: чому я не сокіл, чому не літаю...» Естественно, на родном языке народа-автора. Поняли ее, само собой, лишь те, кто знал словенский. Хрёрек – знал. Так я удостоился третьего рога...

Словом, вечер удался. Вот утро было – не очень. Холодная вода и физические упражнения – не вполне адекватная замена «алказельцеру».

Глава вторая, в которой герою предлагается обзавестись недвижимостью

– Как долго мне еще терпеть твоего раба? – Не то чтобы ярл Хрёрек был недоволен. Нет, скорее делал вид. Был бы он недоволен по-настоящему, Хавчик не прожил бы и минуты. Просто мой трэль попался ярлу на глаза в неподходящий момент и вдобавок бездельничающим. Да не просто бездельничающим, а с аппетитом обсасывающим косточку не доеденного мной поросенка.

– Три дня – и чтоб духу его здесь не было! – распорядился ярл.

И ушел по своим делам.

Я в сердцах отвесил Хавчику подзатыльник, велел: «Сгинь!» – и предался размышлениям: куда бы деть мою объявленную персоной нон грата собственность.

В этом задумчивом настроении меня и отловил Свартхёвди.

– Наш сосед Вальтев Кьервальвсон хочет продать свой грэнд³, – сообщил мне Медвежонок.

– И что?

– А то, что матушка сказала: ты можешь его купить.

Матушка – это уже интереснее. Матушку Свартхёвди зовут Рунгерд. Она – вдова. То есть по местным законам – полноправная владелица наследственной недвижимости. Единственная, кстати, ситуация, когда женщина может владеть имуществом здесь, в Дании. Это потому, что Дания – прогрессивная страна с точки зрения эмансипации. В большинстве средневековых государств, насколько мне известно, мужу наследует не вдова, а ближайший родственник мужского пола. Такая вот несправедливость. И я рад, что в Дании – такие законы, потому что госпожа Рунгерд – настоящая леди. К тому же – ведьма. А еще она весьма красива. То есть очень, очень интересная женщина. И слов на ветер не бросает.

– Грэнд не очень велик, – продолжал тем временем Свартхёвди Медвежонок. – Но земля неплохая. Есть выход к морю. Правда, не защищенный от набега, но, пока Сёлундом правит Волосатый Зад (называли Рагнара и так, за глаза, разумеется), ни один чужак сюда не сунется. Удача Рагнара и его сыновей всем известна. С ними лучше быть в дружбе, как наш ярл. Покупай, Черноголовый! Соседом нашим станешь. От нашего одаля⁴ до усадьбы Вальтева за полдня пройти можно. Если матушка станет твоим посредником, лишнего с тебя Вальтев не возьмет.

Это уж точно. Облапошить ведьму или ее клиента никто из местных не рискнет. Порча – дело серьезное. На своей шкуре почувствовал.

Я заинтересовался. Свободный морской разбойник – это весело. Но жизнь полна сюрпризов. Мало ли как всё обернется. Да и местечко для складирования добычи иметь совсем неплохо. О! Я совсем забыл о Хавчике! Вот отличный способ убрать раба из расположения части.

– Пожалуй, мне это по нраву, – произнес я солидно, как и подобает будущему помещику. – Надеюсь, госпожа Рунгерд не откажется помочь.

– Не откажет, не откажет! – заверил меня Свартхёвди. – Покупай, добрая земля. Соседями будем. А там, глядишь, и породнимся.

Я ухмыльнулся. Чуть не ляпнул: «Будешь моим пасынком, да?»

³ Маленькое поместье.

⁴ Одаля – наследственное землевладение со всем, что на этой земле находится: домами, дворами, полями и пастбищами. Могло быть совсем небольшим и весьма обширным.

Но сообразил, что Медвежонок имел в виду вовсе не матушку, а сестрицу Гудрун.
Я вздохнул мечтательно.

Рунгерд – очень привлекательная вдовушка. Но Гудрун – воистину – девушка моей мечты.

Нелегкий выбор, однако. Всё такое вкусное.

Если плоть и рассудок выступают в едином строю, противиться бессмысленно.

– Я готов.

– Вот и хорошо! – обрадовался Медвежонок. – Завтра я поеду домой и поговорю с матушкой. А ты подъезжай денька через два.

– Может, я сам поговорю?

Свартхёвди ухмыльнулся.

– Можешь и сам. Если хочешь заплатить за посредничество больше, чем за землю.

Через три дня мы с Хавчиком сели на лошадок и отправились. Мой воинский пояс оттягивал изрядный мешочек с нажитыми непосильным трудом ценностями. Я был уверен: если Рунгерд согласится посредничать, моих скромных средств хватит, чтобы сделать меня помещиком. На всякий случай я запасся и подарками: шелковым китайским платком для Гудрун и шикарными сережками для ее матушки. И кожаным мешочком с настоящим перцем (дорогущим!), чтоб не являться к чужому столу с пустыми руками.

Груз, который был приторочен к седлу Хавчика, был значительно увесистее. То были наши дорожные пайки. Хавчик – он Хавчик и есть.

Встречали нас как родных. Я был расцелован леди Рунгерд. Торжественно. А затем, пылко, – юной Гудрун.

– А что ты мне привез? – шепнула мне девушка моей мечты.

– Привез, привез! – успокоил я.

И элегантным движением выхватил из седельной сумы платок.

Пестрые китайские птицы заискрились на солнце. Гудрун взвизгнула, сцапала подарок и умчалась примерять.

Сережки тоже были приняты благосклонно. И перец, который стоил больше, чем оба подарка вместе взятые.

Пока вручались дары и говорились приветственные речи, Хавчик тихонько смылся.

Я не беспокоился. Мой раб точно не останется голодным. И не уснет в одиночестве.

В отличие от меня. То есть я запросто мог заполучить в койку любую из дворовых девок, но... Предпочел журавля в небе. Наверное, я еще не вполне викинг. Викинг взял бы и то и другое.

Рунгерд согласилась.

Не в смысле разделить со мной постель, а попосредничать в приобретении земли.

На следующий день оседлали коняшек и отправились в гости к продавцу.

Мы – это я с Хавчиком, а также Свартхёвди с матерью и звероватого вида мужик, слуга Рунгерд, которого звали Гнуп Три Пальца. Смысл прозвища от меня был скрыт, поскольку пальцев у Гнупа был – полный комплект. Позже выяснилось, что Гнуп всегда сопровождал Рунгерд в путешествиях, и это было правильно. За свою госпожу Гнуп медведя бы удавил голыми руками. Но с голыми руками в этой стране даже погадить не ходят, так что при Гнупе был полуметровый тесак и лук с запасом стрел.

Луком, впрочем, завладел Свартхёвди – и не зря. Парочка жирных осенних гусынь весьма украсила наш обед.

Вальтев, сын Кьервальвсона, оказался крепким, как боровик, лысым датчанином с заплетенной в косицы желтой бородой.

На Рунгерд он глядел с откровенным вожелением, что дочь Ормульфа Хальфдана ничуть не смущало.

Для начала мы еще раз (хотя с обеда прошло не больше двух часов) славно покушали. Потом сели на лошадок и отправились осматривать недвижимость. Место мне понравилось. Просторное поместье с приусадебным хозяйством, хлебом, овином, сеновалам и прочими постройками. Традиционный длинный дом. Рядом – еще один дом, поменьше. В нем жила семья арендаторов. В теплое время года. Зимой, как позже выяснилось, они переселялись под господскую крышу.

Полоски ухоженных полей, луга, даже немаленький лес, примыкавший к еще более обширному болоту, так и кишашему пернатой дичью.

Имелся и выход к морю. С каменным причалом и с корабельным сараем. Правда, корабля внутри не было. В сарае сушилась рыба, сети и пиломатериалы. Доски – немалая ценность по здешним меркам. Учитывая, что выпиливают их вручную, неудивительно.

В список прилагаемого к земле имущества входили также и рабы: невзрачный мелкий мужичонка с такой же непрезентабельной супругой.

Вальтев, однако, заверил, что трэли эти – работающие, послушные и дело знают.

Но то была всего лишь реклама. Продавец нахваливал товар.

Хавчик в очередной раз меня удивил, проявив земледельческую хватку и недюжинное знание предмета.

По его словам, четыре поля из пяти были расчищены кое-как и порядком истощены, а за свинками не было надлежащего ухода.

– Зимой небось на одной рыбе держал? – спросил мой раб уважаемого землевладельца.

Тот, вместо того чтобы послать наглого трэля, смутился и пробормотал что-то невразумительное.

Судя по тому, что говорил мой раб, владение Вальтева отнюдь не процветало.

Я, впрочем, и сам об этом догадывался. Корабельный сарай был большой и добротный. Надо полагать, он не всегда был местом для сушки рыбы.

Но я – догадывался, а Хавчик выявлял конкретику.

– Толковый у тебя человек, – вполголоса сказала мне Рунгерд. – Продай. Две марки серебром.

– Не могу, – так же тихо проговорил я. – У нас с ним договор.

Это, кстати, не было враньем. Как-никак Хавчик пошел в рабы добровольно. И – именно ко мне. Да и глупо продавать такого ловкача. Идеальный управляющий получится.

Познакомились мы и с арендатором Вальтева, обстоятельным семейным мужиком по имени Пэр. Полагаю, с ним мы договоримся.

После осмотра вся наша компания вернулась в дом, снова перекусила (на сей раз нашими, привезенными с собой припасами) – и начался торг.

Процесс этот был весьма обстоятельный. Речь шла о том, какое именно имущество достанется покупателю. С дотошным обсуждением преимуществ и недостатков.

То есть обсуждали Вальтев, Рунгерд и Хавчик. Иногда вступал Свартхёвди. Я же делал морду кирпичом и солидно помалкивал.

Наконец перешли к собственно оценке. Стартовая цена, предложенная продавцом, вдвое превышала мои финансовые возможности. Было заметно, что сумма эта – домашняя заготовка, потому что лысый выпалил ее и умолк.

Мои «адвокаты» синхронно выразили невероятное изумление. Я решил подыграть и принял оскорбленный вид. Меня, заслуженного хускарла самого ярла Хрёрека, пытаются кинуть!

Вальтев тут же сбросил половину.

Дальнейший торг занял часа три. За это время мы приговорили бочонок хозяйского (или уже моего?) пива и слопали килограмма два сушеной рыбешки.

Рунгерд и Хавчик работали «в четыре руки».

Хавчик упирал на факты: лошади старые, ограда покосилась...

Рунгерд давила на психологию и гормоны: мол, такому крутому мужику, как лысый сын Кьервальвсона (этакое отчество мне без тренировки и не выговорить), надо не недвижимостью зарабатывать, а в вики ходить. Вот сходит он следующим летом с Рагнармом – и будет у него много рабов и еще больше серебра. А уж тогда... И улыбалась ласково, с намеком.

По ходу выяснилось, почему Вальтев Кьервальвссон продает наследственное имение. Лысый крепыш действительно собрался в вик. Пошел слух (правдивый), что Рагнарм в следующем сезоне планирует эпохальный разбой. И по сему поводу зовет с собой всех желающих. А вот это уже было вранье. Всякая шелупонь Рагнарму ни к чему. Но Вальтев готовился по-взрослому. Заказал кнорр (часть древесины для его постройки как раз и сушилась в корабельном сарае), сговорился с будущей командой – и был уверен, что и года не пройдет, как он будет кушать исключительно на серебре.

Блажен кто верует...

Процесс торговли закончился, когда на небе показались звезды.

Первоначальная сумма сделки была уменьшена в восемь раз. Вместе с долей посредника (Рунгерд) это составило примерно половину моих финансов. Я внес задаток.

Формальную сторону сделки было решено осуществить через три дня, в поместье Рунгерд. Вальтев, впрочем, выговорил себе право пользования недвижимостью еще на три недели. Для переезда.

Что он не увезет лишнего, можно было не сомневаться. Здесь с этим строго. У своих не крадут. Своих только грабят.

– Ты доволен? – интимно шепнула мне на ухо Рунгерд.

– А ты? – не менее игриво осведомился я. – Будешь приезжать ко мне в гости?

– Чаще, чем ты думаешь, – Рунгерд потрепала меня по щеке. – Зимы у нас длинные.

– Ночи тоже.

Ответом мне был весьма возбуждающий смех.

Матери Свартхёвди, как я сегодня узнал, было всего тридцать семь. Медвежонка она родила в шестнадцать.

Глава третья, в которой герой вкушает все прелести жизни на датском хуторе

Мои друзья-варяги отнеслись к покупке по-разному.

Трувор спросил: почему здесь, на Сёлунде?

Что мне было сказать? Что главный побудительный мотив – близость Рунгерд и Гудрун? Так ведь не поймут. Варяги – народ прагматичный.

Вместо меня ответил Ольбард. Типа, правильно я всё сделал. Пока на острове рулит Рагнар, вклады в недвижимость здесь самые надежные. Налоги он берет небольшие, поскольку живет не с земли, а с грабительских походов. А наехать на Сёлунд рискнет только полный отморозок.

Тут мои друзья заспорили. «А когда Рагнар в поход уйдет, тогда что?» – возразил Трувор.

А ничего, ответил Ольбард. Местные бонды – парни боевые. Это вам не какие-нибудь венецкие смерды или вепские охотники. Тут у каждого второго – меч на поясе и боевой опыт в придачу. Может, в одиночку средний бонд и уступит среднему викингу, но стоит только послать по соседям ратную стрелу⁵, как сразу набегит столько народу, что мало не покажется. Так что правильное вложение сделал старина Волчок. И ликвидность у здешней земли хорошая. Продать, если что, не проблема.

Ольбард в местной экономике был спецом не хуже Хрёрека-ярла. Убедил.

Трувор хлопнул меня по плечу и сказал, что по поводу удачной покупки следует проставиться.

Я не возражал. Приятно, когда старшие товарищи подтвердили правильность сделки.

А вот молодежь в лице Рулафа искренне огорчилась:

– Значит, зверя с нами бить не пойдешь?

Выяснилось: варяжские парни не собирались всю зиму сидеть в столице Рагнара, а работали совершенно конкретную программу охотничьих рейдов.

Коренные скандинавы их не понимали. Зачем куда-то тащиться, ночевать в снегу и пить вытопленную из снега воду, если можно бездельничать, трахать девок и наливаться пивом?

Впрочем, скандинавы мою покупку одобрили безоговорочно. Стюрмир немедленно пообещал навеститься в гости, и другие норманы поддержали идею бодрым рыком.

Я сразу предупредил, что с развлечениями на моей вилле пока – не очень. Пиво, заготовленное прежним хозяином, мы уже выпили, а из половозрелых особей женского пола налиествовали не слишком молодая жена моего арендатора да замурзанная свинарка-рабыня.

Меня заверили, что развлечения привезут с собой. И пиво, и девок. С меня только закуска и крыша.

Тогда не вопрос, ответил я. Милости просим. А пока прошу пожаловать в ближайшую харчевню. Я угощаю!

Мой главный и единственный арендатор Пэр был коренным датчанином. Его семья жила на этой земле дольше, чем ее прежний хозяин Вальтев, и сам Пэр был, что называется, типичным датским земледельцем, коему соха привычнее меча. У него, как сказано, имелась жена, два сына, один из которых, Лют, был достаточно взрослым, чтобы удостоиться прозвища Рукавичка.

Жена Пэра, тихая, пугливая (большая редкость среди скандинавок) женщина, на мой взгляд, была немного «того». Узнал я и причину. Как сообщил мне всезнающий Хавчик, жен-

⁵ Экстренный сбор ополчения.

щина родилась не здесь. Ее родня погибла, когда девочке было лет семь, во время набега каких-то заезжих викингов. На Сёлунде у девочки были дальние родственники, и сердобольные люди привезли сиротку к ним. За Пэра ее выдали в тринадцать лет. Некоторые проблемы с психикой не мешали женщине впахивать как лошадь и очень неплохо готовить.

Вторая семья, доставшаяся мне в нагрузку к поместью, состояла из пары сравнительно молодых трэлей неизвестного происхождения и двух замурзанных детишек, мало отличавшихся от опекаемых ими поросят. Трэли ходили за скотиной и с ней же жили. Негуманно, но правильно. Пустить их в дом было бы серьезным испытанием для моего избалованного носа.

Так что менять порядки, заведенные прежним хозяином, я не планировал. Разве что собственноручно обрабатывать землю я не собирался. Найму кого-нибудь, не проблема. А что я намерен был ввести в обиход, так это использование удобрений. К сожалению, тонкости этого дела были мне неизвестны. Единственное, что сидело в моей голове, это то, что свиное дерьмо просто так разбрасывать по полям нельзя. Надо, чтобы оно вылежалось. Посему я распорядился, чтобы это дерьмо скидывали в яму подальше от усадьбы, а продукты жизнедеятельности прочей скотины разбросали по полям.

Хавчика я назначил управляющим и предложил купить ему подругу. Мой раб отказался. Мол, привык к разнообразию, а для сексуально озабоченного кобеля семь верст – не крюк.

Тем более что одним из главных зимних развлечений были походы в гости, совместная охота, зимние игры и, разумеется, пьянка. Хавчику это было известно, а вот мне – нет. Всю прелесть зимнего безделья мне еще предстояло вкусить.

Осеннего я уже вкусил по самые гланды. Дождь, дороги раскисли, тоска уже не зеленая – серо-бурая. Даже рыбку не половить.

По первому же крепкому снегу я намеревался заложить сани и двинуть в ставку Рагнара. Там, думалось мне, будет повеселее.

Наконец снег выпал. И еще раз выпал, причем температура как-то сразу упала градусов на десять. А потом разбушевалась такая метель, что путешествовать дальше штабеля с дровами не хотелось категорически, и продымленная комната длинного дома казалась настоящим земным раем. Хавчик испросил у меня разрешения топить печку в хлеву: мол, скотина мерзнет, да и рабы денег стоят.

Совсем я в этом средневековом мире озверел. Даже и не подумал, каково моим трэлям в хлеву. Пусть топят хоть всю зиму, разрешил я.

На всю зиму им дров не хватит, возразил Хавчик.

Значит, запасем, парировал я.

Так что, когда метель улеглась, мы всем кагалом отправились на заготовку дров, и мой отъезд в «столицу», естественно, отложился на два дня.

Однако и эти мои планы были нарушены. Причем нарушены весьма приятно. Ко мне прибыли гости. Вернее, гостя. Прекрасная ведьма Рунгерд.

Глава четвертая, которая начинается весьма приятно, а заканчивается стремительным бегством

– На лыжах? Ночью? Может, не стоит, госпожа? – Простоватое лицо Гнупа Три Пальца выразило искреннее удивление. Преданный слуга Рунгерд, настоящий скандинав, а следовательно, человек практичный, в принципе не мог понять, как можно без веской причины покинуть теплый дом, пиво и добрую закуску и отправиться шастать по ночному зимнему лесу.

Сказать-то сказал, но, увидев, что хозяйка уже надевает свою замечательную шубку из белого песцового меха, только крякнул и полез из-за стола.

– Без тебя, Гнуп! – остановила его Рунгерд.

– Кхе! – Теперь к удивлению прибавилось недовольство. – Как это – без меня? А если волки?

– Если волки, Три Пальца, то я с ними договорюсь, – уверенно ответила Рунгерд, опоясываясь коротким мечом и сдвигая его так, чтобы не мешал бегу. – Вдобавок я же не одна пойду.

– А с кем?

– Со мной, – сказал я, чуть раньше поймав приглашающий взгляд датчанки. – Не беспокойся, Гнуп.

Если нам встретятся волки, я буду только рад. Мех у них сейчас отменный.

– Это точно, – согласился Три Пальца и, счастливый, плюхнулся обратно на скамью. К пиву и свинине.

А я отправился надевать лыжи.

О здешних лыжах могу сказать следующее: в ходу были два типа. Широкие и короткие, чуть длиннее метра, – для охоты и передвижения по рыхлому снегу. И длинные, беговые. Эти размерами мало отличались от наших: шириной примерно сантиметров пятнадцать, а длиной – от ста шестидесяти до ста восьмидесяти – в зависимости от роста. О качестве и тех и других скажу только хорошее. К процессу их изготовления здешние мастера относились весьма тщательно. Как, впрочем, и к любому предмету, от которого может зависеть жизнь хозяина. Из «правильной» древесины, идеальной формы загнутые «носы», тщательно выверенные пропорции. «Подошва» подбита мехом, что очень удобно, потому что вперед, «по шерсти», такая лыжа скользит легко и бесшумно, а назад практически не отдает. Само собой, эти маленькие произведения искусства были «усилены» соответствующими рунами и просто узорами – для красоты. А крепление такое удобное и надежное, что даже я, знакомый с самыми разными вариантами оного, ничего не стал улучшать.

Да, лыжные палки в это время еще не придумали. Тоже понятно. Руки должны быть свободными. Вернее, заняты более полезными предметами. Например, оружием.

Ночь была необычайно светлая. Лунный свет отражался от снежной белизны, создавая ощущение сказки. Ни ветерка. Мир застыл в неподвижности и тишине, которую нарушал только скрип снега под лыжами.

Рунгерд легко бежала через поле, прокладывая лыжню. Я скользил за ней, не отставая и не обгоняя. Я чувствовал, что у Рунгерд есть какая-то цель, но сам лишь наслаждался великолепной сияющей ночью, слабеньким морозцем, пологим скольжением в пустынном диком мире.

Белая шубка Рунгерд почти сливалась с девственными сугробами, лишь кое-где испещренными нитками звериных следов. Вдали тоскливо взвыл волк. И умолк, не поддержанный

собратьями. Мы пересекли поле и луг, миновали столб с вырезанной на нем недружелюбной рожей какого-то бога (Рунгерд на ходу бросила ему что-то съестное) и углубились в лес.

В лесу было почти так же светло. Ветви деревьев гнулись под тяжестью снега. Я знал, что дальше расположено небольшое болото, уже схваченное морозом, за болотом – изогнутое подковой озеро, а за озером – наследное владение-одадь моего соседа. От Пэра я слышал, что соседа зовут Хегин. Но лично знаком с этим Хегином не был. Ничего, познакомимся. Весь остров Сёлунд – одна просторная деревня.

Рунгерд скользила между деревьями, не сбавляя темпа. Ходить на лыжах ей было так же привычно, как младенцу – сосать молоко.

Снова завыл волк. Довольно далеко, но я на всякий случай сократил расстояние между мной и белой шубкой Рунгерд. Мало ли кто бродит по зимнему лесу.

Деревья вокруг измельчали и искривились: мы достигли болота. Рунгерд не останавливалась. Я – тоже.

А вот и озеро. Белая сверкающая гладь.

Рунгерд съехала вниз, заложив петлю, как заправский горнолыжник.

Я не отказал себе в удовольствии: разогнавшись, прыгнул с крутого берега, как с маленького трамплина. Приземлился правильно... Но пробил наст, по колену погрузился в сугроб и упал. Хорошо хоть лыжи не сломал.

Смех Рунгерд сообщил мне, что мой конфуз не остался незамеченным.

Когда она оказалась рядом, я уже стоял на ногах и стряхивал налипший снег.

– Куда мы идем?

– Увидишь! – Загадочная улыбка, шикарный разворот – и вновь белая шубка летит над серебряным полем, оставляя четкий двухполосный след.

Да, она знала, куда меня ведет.

На противоположном берегу озера, среди нагромождения здоровенных камней, притулилось некое приземистое сооружение. Если бы не Рунгерд, я принял бы это строение за большой сугроб.

Угадав примерное расположение входа, я прорыл в сугробе метровую нору, откинул дверь из толстой замороженной шкуры и посторонился, пропуская вперед Рунгерд.

Надо полагать, мы покусились на чужую собственность. Но если это не смутило Рунгерд, то мне и вовсе пофиг.

Под сугробом оказался лодочный сарай. С просторной шестивесельной посуды, законсервированной до весны.

В сарае было сухо. Вкусно пахло деревом, смолой и сеном, коего внутри хранился изрядный запас. Неплохое гнездышко.

Избавившись от лыж, Рунгерд извлекла кресало, ловко вышибла искру на пучок мха и зажгла найденную здесь же лампу. То есть лампа – это громко сказано. Плошка с жиром, в который воткнули фитилек.

То, насколько уверенно моя спутница ориентировалась в помещении, наводило на определенные мысли. Но я их изгнал. В моем прошлом тоже было немало событий.

Еще минута – и в куче сена образовалась уютная норка. Рунгерд сбросила пояс, нырнула в сено, распахнула шубку.

– Долго ты там будешь возиться?

Как в анекдоте. Чего еще хочет уважаемый чукча? Лыжи снять, однако...

И не только. Насыщенная разбойная жизнь научила меня осторожности. Наша лыжня выделялась на девственном снегу как откровенное приглашение призвать к порядку незваных гостей. Нет, я так не могу.

Прихватив удачно оказавшийся под рукой веник типа банного, я не поленился пройтись по собственной лыжне и отвести ее метров на пятьдесят в сторону – к нагромождению камней. Потом очень аккуратно вернулся обратно и замел полоски, ведущие к сараю. И сугроб у двери восстановил – благо она открывалась в обе стороны. И подпер дверь чуркой.

Вот теперь хорошо. Я избавился от лыж, аккуратно снял пояс, положил рядом, чтоб был под рукой, если что.

– А я и забыла, что ты – человек Одина, – полунасмешливо-полууважительно сообщила Рунгерд.

– Береженого Бог бережет.

Сказал бы мне кто-нибудь год назад, что я, оказавшись наедине с такой роскошной женщиной, буду думать не о... сами понимаете о чем, а о том, чтобы мне в самый интересный момент не перерезали горло.

И вновь перед моими глазами возник вольготно раскинувшийся на ложе убийца Сторкад. Думал ли он, укладываясь в койку с подружкой, что проснется от прикосновения железа к кадыку? И умрет от подлого (что уж душой кривить) удара шилом в ухо?

Нет, ну неужели это видение будет преследовать меня до конца жизни? Кому было бы лучше, если бы я ему нож в брюхо воткнул?

Ладно, нечего жаловаться. Зато покойник меня кое-чему научил.

– Эй, хускарл, может, я тебе не нравлюсь? – В низком хрипловатом голосе – легкое раздражение.

– Я еще не решил, – ответил я. – Сначала надо поглядеть, что там внутри.

И полез в глубины шерсти и меха, внутри которых пряталось кое-что теплое, нежное и упругое. Ага! Очень даже необычные ощущения возникают, когда всё самое интересное спряталось, как устрица в раковине.

Впрочем, никаких особых сложностей не возникло. Местная одежда неплохо приспособлена для подобных игр.

Вот так хорошо!

Пока мои усы и борода (мокрые, ну да ладно!) и, само собой – язык ласкали и дегустировали восхитительные, что на вид, что на ощупь, трепетные перси, рука уже добралась до сердцевины раковины – и время вопросов и ответов прошло.

Первый, самый нестерпимый голод мы утоляли почти впопыхах, кое-как расстегнувшись и прижавшись друг к другу так тесно, что почти невозможно было шевелиться. Да и второй раунд тоже вышел – наспех. Мы оба слишком изголодались (я-то уж точно!), чтобы тратить время на раздевание и благоустройство нашего любовного ложа. Я попросту перевернул мою красавицу на животик. Сначала она немного напряглась, но потом. О да, так ей понравилось намного больше! И намного громче. Но в этот момент мне было без разницы, есть ли кто живой в окрестностях нашего сарайчика. Услышат – так услышат.

Теперь я не сомневался, что Рунгерд – именно из тех женщин, что хороши до безобразия. А также во время оно. И надо полагать, после этого самого безобразия так же хороши. Но до «после» нам было еще далеко.

Теперь мы устроились с комфортом. Постелили на сено мой тулуп, скинули часть одежды (нижнюю), накрылись белой шубкой и принялись наслаждаться всерьез.

Если в этом мире существуют валькирии, то не думаю, что они сложены лучше, чем моя красавица ведьма. Я утверждаю это со всей ответственностью, потому что провел серьезнейшее исследование ее тела – и не нашел изъяна. Не скажу, что предпочитаю крупных женщин, скорее – наоборот. Но есть крупные женщины, а есть – безупречные. Когда ни рост, ни размеры не имеют значения. Рунгерд оказалась именно такой. Правда, не слишком искусной по понятиям начала третьего тысячелетия, зато после первого же успеха она отпустила вожжи и позволила мне делать с ее телом всё, что способно доставить максимум удовольствия.

И я так увлекся этим восхитительным действием, что забыл, кто я, где я и в каком времени нахожусь.

Позор мне! Шум снаружи Рунгерд услышала раньше меня! А я среагировал, лишь когда ее расслабленное ласками тело вдруг напряглось, и Рунгерд оттолкнула меня так резко, что я миг понял: это не любовная игра.

Одно движение – и я уже сжимаю в руке меч.

Ну да, сначала меч, а потом – штаны.

Нет, в сарай еще не ломились. Кто-то возился снаружи, под дверью. Этот кто-то пыхтел и сопел, как большой зверь. Однако при этом бормотал что-то, пусть невнятное, но членораздельное. Значит, все-таки человек.

Что ж, герр Ульф, ваш выход.

Я быстренько натянул штаны и сапоги, не удосужившись намотать портянки. В местном аналоге морга наматывают, если понадобится.

За моей спиной негромко шуршала Рунгерд. Тоже одевалась.

Весь процесс занял секунд двадцать максимум. В армейский норматив я бы точно уложился.

Тот, снаружи, подарил нам эти секунды.

Он по-прежнему пыхтел и возился, причем один разок так толкнул сарай, что строение вздрогнуло. Я подумал, что это все же зверь. Но тут загадочное существо совершенно отчетливо произнесло «гот кьёт», «хорошее мясо». Нет, это не зверь. Ну а раз не зверь.

Я шагнул вперед, пинком отбросил чурку, решительным движением распахнул дверь.

...И увидел йети! Здоровенную, похожую на гориллу тварь, волосатую, как южнорусская овчарка. Сей облик, заботливо подсвеченный луной, настолько шокировал мое сознание, что я так и застыл с разинутым для решительного заявления ртом.

Вряд ли волосатый среагировал на мой открытый рот. Скорее – на обнаженный меч.

Но среагировал четко. Быстрый, как полет стрелы, тычок в грудь – и я, утратив контакт с землей, с грохотом впился в нос лодки, перекувырнулся через борт, приложился спиной о скамью, чудом не напоровшись на собственный меч, вскочил. Чтобы увидеть две здоровенные лапищи – в непосредственной близости от моего горла.

Я, пожалуй, растерялся, но, тем не менее, рефлексы сработали. Секущий удар справа...

И меч вышибло из моей руки взмахом волосатой грабки.

Однако и сам йети притормозил на мгновение, чтобы обиженно взреветь и встряхнуть раненой, нет, скорее, просто ушибленной лапой.

Я схватился за нож (пришла тоскливая мысль – лучше бы это был медведь!), но достать его не успел.

Пронзительный свист рванул мои барабанные перепонки. Йети взревел, прижал лапы к голове (уши заткнул, надо полагать), подпрыгнул на месте, развернувшись в воздухе на сто восемьдесят градусов (лодка тоже подпрыгнула, а я опять приложился спиной – на этот раз о борт) и был таков.

Я обернулся. Свистела Рунгерд. В четыре пальца. Надо же, что мы умеем. И как удачно используем.

Поблагодарить за спасение я не успел. Рунгерд перестала свистеть (но в ушах еще звенело) и рявкнула не хуже йети:

– На лыжи – и бегом!

– Он вернется? – поинтересовался я уже в процессе выполнения команды.

– Он – нет. Другие прибегут.

Я не стал уточнять, кто это – другие. Может, кореша волосатого. А может, злые дядьки с холодным железом. Однозначно надо сваливать.

Через минуту мы уже чесали через озеро. И лыжню на этот раз прокладывал я. Надо же как-то адреналин выплеснуть.

Остановились мы уже на моей территории.

– Кто это был? – поинтересовался я наконец.

– Тролль, – последовал ответ. – Маленький йотун.

Если это маленький, то каковы тогда большие?

Но этого я уже не спросил. Не успел.

Рунгерд сгребла меня в охапку и поцеловала со всей мощью и темпераментом скандинавской ведьмы.

Потом отпустила, облизнулась сладко и пообещала:

– Я буду часто к тебе приезжать.

Тут уж я не утерпел и сграбастал мою королеву.

Целоваться на морозе вредно. Говорят. Мол, губы потрескаются. Врут. Проверено.

К моему немалому сожалению, на следующее утро моя сладкая вдовушка уехала.

Правда, пообещала вернуться не позднее чем через седмицу.

Но так вышло, что ее опередили.

Глава пятая, в которой герой встречает незванных вооруженных гостей

Я поднял руку, и мои домочадцы моментально заткнулись.

Даже без болтовни Хавчика и Пэра в доме было довольно шумно. Трещали дрова в очаге, завывал ветер, поскрипывала толстая шкура, закрывавшая вход.

Однако слух человека устроен так, что может вычленивать из любого гама совсем тихие звуки. Если они намекают на опасность. Это умение, унаследованное нами от диких предков, само собой, нуждается в тренинге. Однако я такой тренинг уже прошел, и скрип, сопровождавший открывание ворот, уловил даже раньше, чем собаки. Собаки-то – больше на нюх, а если ветер неудачный...

Впрочем, не успела моя рука принять вертикальное положение, а псы уже зашлись истощенным лаем.

И почти сразу умолкли. Мой слух уловил громкое чавканье. Кудлатых сторожей не убили – подкупили. Хотя псины вряд ли взяли бы мясо у кого-то совсем чужого...

– На человека брехали... – дрогнувшим голосом поведаль нам старина Пэр.

Мудрое замечание.

Его жена ахнула и уронила кувшин. В воздухе вкусно запахло простоквашей.

Ясно, что на человека. Зверь собачек угощать не станет. И друг – тоже.

Значит – враг?

Снаружи заскрипел снег. Трое. Или четверо. На лыжах. Ага, перед дверью остановились. Должно быть, снимают лыжи перед тем, как войти в дом. Из вежливости или потому что на лыжах неудобно драться?

Кожанный полог откинулся, пропуская в дом заряд мелкого снега и троих мужчин в добротной меховой одежде... И с копьями.

Старший сын Пэра, Лют Рукавичка, потянулся к топору, но я чуть заметно покачал головой.

– Ты – новый хозяин грэнда? – не очень вежливо поинтересовался кряжистый мужик с сосульками в бороде. Он распахнул доху, показав богатый пояс с мечом.

Его спутники рассредоточились. С копьями на изготовку.

Если их только трое и снаружи никого не осталось, я, пожалуй, управлюсь сам.

Двое «пристяжных» не выглядят заядлыми рубаками.

А вот кряжистый может быть опасен. Копье держит чуть на отлете – удобно для броска. Левая рука – под полую дохи, а там может быть всё что угодно, но скорее всего – швырковый нож. Копье – ладно. Его полет предсказуем. Поймаю или увернусь. А вот ножик в условиях ограниченности маневра может быть чертовски неприятен. Правда, между нами – два опорных столба и стол. Так что я пока в относительной безопасности. Чего нельзя сказать о моих домочадцах.

– Ты – новый хозяин грэнда?

– Я хозяин.

– Твое? – На стол упали мои портянки, опрометчиво оставленные в лодочном сарае.

Пара не слишком свежих тряпок вряд ли могла считаться серьезной уликой для суда.

Да только что мне можно предъявить? Сломанную дверь? Поломанную лодочную скамью?

– Мое, – не стал я отнекиваться.

Чего уж там! От сарая мы с Рунгерд перли сюда, можно сказать, напролом. А с той поры не выпало ни снежинки.

Как позже выяснилось, улики оставил не только я. Рунгерд в спешке тоже посеяла один из амулетов. Очень характерный. Впрочем, они здесь все – характерные. Ручная работа.

– Мое имя Хегин. Хегин, сын Бруни. Земля, на которой стоит этот (соседушка топнул ногой) дом, – моя!

Неожиданное заявление. Мне сразу захотелось сделать Хегину Брунивичу какое-нибудь непристойное предложение. Например, порадовать оральным сексом какого-нибудь козла. Но я сдержался. Здесь – правовое государство. Такие заявления требуют доказательной базы большей, чем три наставленных на меня копья.

Неужели старина Вальтев заложил свой надел соседу?

– Должно быть, ты заплутал в лесу, Хегин, сын Бруни. Я купил эту землю и всё, что на ней, у бонда Вальтева Кьервальвссона. И тому есть свидетели.

– Кто же?

– Свартхёвди Медвежонок и Рунгерд, дочь Ормульфа.

– Рунгерд – женщина! – задрал бороду, провозгласил Хегин. – Она не может быть свидетелем.

От такого заявления я, признаться, растерялся.

– Рунгерд – вдова, почтенный Хегин, сын Бруни, – пришел мне на помощь Хавчик. – Если женщина владеет землей, она может свидетельствовать при ее покупке или продаже.

– Это еще что за Глашатай Закона? – Хегин скроил грозную рожу, и Хавчик заметно струхнул. – Если раб открывает рот, вмешиваясь в разговор людей, ему следует вырвать язык! – вякнул один из «пристяжи».

Ну да, короткая стрижка, прикид из качественной, но – некрашеной шерсти. Рабский статус Хавчика очевиден для любого аборигена.

– Это мой трэль! – с нажимом произнес я. – И его язык – тоже мой. И язык этот сказал правду. Говори, что тебе надо, сын Бруни, – или убирайся!

Если эти парни пришли, чтобы меня убить, то сделают это по-любому. Попытаются, во всяком случае. А если это «пробивка», то тем более не стоит показывать слабость.

Незаметно для гостей я подал знак Хавчику: отойди подальше и не отвечивай.

Что он и сделал. Его примеру тут же последовали остальные мои домочадцы.

Незванные гости им не препятствовали. Ну да, им нужен я. С остальными управиться будет нетрудно.

– Рунгерд скоро перестанет быть вдовой! – вторично удивил меня Хегин. – Поэтому у тебя только один свидетель. Этого недостаточно.

– Перестанет быть вдовой? – Я поднял бровь. – Ты что, оживишь ее мужа?

– Я сам стану ее мужем!

– Вот как?

Смелое заявление. Вот где собака-то зарыта! Теперь я понимаю, откуда моей подруге ведомо внутреннее устройство того лодочного сарая. Не иначе как старина Хегин вдовушку с ним и познакомил. А теперь ревнует, полагая себя законным женихом. Ух ты мой рогатенький.

– Да, так! И ты, чужак, больше не будешь с ней встречаться!

– А если – буду?

– Тогда я разрублю тебя пополам!

Еще более смелое заявление.

– Ты меня лучше забодай! – предложил я с усмешечкой.

Не понял. В этой стране другой набор атрибутов неверности.

– Значит, ты намереваешься жениться на Рунгерд? – кротко поинтересовался я.

– Для тебя, чужак, лучше считать, что это уже произошло!

Похоже, женишок решил, что я готов идти на попятный. Он даже вытащил руку из-под полы дохи.

Это радует. Если под полой всё же имеется швырковый нож, то дело могло закончиться неприятно. Уклоняться и маневрировать мне просто негде.

– Позволь, Хегин Брунисон, я расскажу тебе одну историю.

– Говори, – разрешил он.

И я рассказал ему анекдот. Один из моих любимых. Тот, где одна женщина говорит другой: «Удивляюсь, почему тебя не беспокоит, что твой муж бежит за другими женщинами». А та ей отвечает: «Знаешь, твоя собака тоже любит бегать за машинами, но это ведь не значит, что ее пустят за руль».

Разумеется, я внес в текст соответствующие поправки, так сказать адаптировал под местные понятия и заменил автомобиль на лошадь. Но суть сохранил.

Хегин выслушал внимательно. Опять не понял. Нахмурился, демонстрируя активную работу мозга.

В первые секунды я буду иметь дело только с Хегином, потому что остальным до меня не добраться – мешают стол и столбы. Сам Хегин выглядит и двигается неплохо, но в тесноте жилища ему будет не так – то просто драться – в дохе-то. А скинуть ее он точно не успеет, потому что я успею раньше.

Я пришел к нему на помощь:

– Бежал бы ты домой, Брунисон. На этой лошадке тебе проехаться не удастся.

Я всё рассчитал правильно.

Доброе норманское копье немедленно пронеслось у моего уха (я пригнулся, заодно подхватывая меч) и с сочным хряском воткнулось в стену. Оно еще гудело, когда мой Вдоводел освободился от ножен.

Как я и предполагал, старина Хегин доху сбрасывать не стал. Побагровел, как вареный рак, и цапнул рукоять меча.

У него была целая секунда, чтобы его вытащить и даже начать замах. За эту секунду я резко сократил дистанцию и нанес гордому жениху прямой и точный удар в правое плечо.

Для Хегины это оказалось неожиданностью. Скандинавы предпочитают мечом рубить, а не колоть. Рубящий удар – намного мощнее. Но и у моего укола хватило силы, чтобы пробить кольчугу и надолго лишить Хегины возможности пользоваться правой рукой.

Хорошо, когда твой противник крупнее тебя. Из него получается отличный щит. Хегин еще не успел понять, почему его рука повисла, как я уже сунул левую руку под его доху... Так и есть: изнутри нашиты кармашки для метательных ножей. И ножи в них имеются.

Подцепив пальцами кольца, я выдернул сразу два, оттолкнулся от Хегины и метнул оба разом в ногу одного из копейщиков. Попал только один нож. Но попал хорошо: воткнулся прямо в берцовую кость. Раненый взвыл, повалился на стол и выпал из реальности. Это называется – болевой шок. А я тем временем оказался рядом со вторым копейщиком. Да уж, этот парень точно не викинг. Охотник – возможно. Выставил копье, будто кабана принимал. Большая ошибка. Удар клинком наискось – и наконечник отлетел к стене. Парень тупо поглядел на палку, в которую превратилось его оружие, потом – на меня. Выпученными глазами. У вас бы они тоже выпучились, если ваш кадык железом пощекотать.

– На колени встань, – вежливо попросил я.

Парень бухнулся на колени так быстро, что я его чуть по нечаянности не прирезал.

И тут глазенки у паренька расширились вообще до невозможности...

Спасибо тебе, дорогой! Кабы не ты – конец был бы славному хускарлу и бонду Ульффу Черноголовому. А заодно и Коле Переляку. То есть – мне.

А так я успел вовремя среагировать и податься влево.

Бенц! – Предназначенный мне удар меча достался коленопреклоненному пареньку. Аккурат по шлему. Шлем-то выдержал, только малость помялся, а вот моя прикрытая лишь черными кудрями голова наверняка оказалась бы безнадежно испорчена. Удачно получилось.

А кто это у нас такой шустрый? А-а-а, это же наш женишок!

Вид у Хегина Брунисовича – вполне боевой. Правая рука висит плетью, вся грудь – в кровище, однако в мускулистой шуйце – боевой меч, а в глазах – горячее желание пошалить.

Ну, дяденька! Это уже несерьезно. Убивать тебя я пока воздержусь, не то деньги платить придется, да и родня у тебя может быть... неприятная. А вот хулиганить не дам.

Элегантный отбив – и клинок господина Хегина вонзается в бревно в дециметре от входного полога... Который как раз сдвинулся, чтобы пропустить немножко холода и еще одного незваного гостя: совсем молоденького парнишку с топором на изготовку.

В современном моем рождении городе Осло есть замечательный парк с разными человеческими скульптурами. Так вот: если бы тому скульптору понадобилось ваять «Изумление», лучшего натурщика, чем паренек с топором, ему нигде не найти.

– Скиди, беги!!! – отчаянно завопил Хегин Брунисович, раскидывая руки (вернее, одну левую, правая – не послушалась) и бросаясь мне наперерез – собственной тушкой прикрыть обалдевшего व्यуноша от страшного убийцы.

Храбро, ничего не скажешь. Голой жо... Простите, голой бородищей – на стальное лезвие. Ну что ты, право, так разволновался, женишок! Если я тебя, такого brutального, не убил, так, наверное, и тинейджера этого помилую.

Бросок получился не очень удачный – правая рука у меня занята, потому подстраховать было нечем. Хегин упал как раз на больное плечо, вскрикнул, аки раненый конь, и отрубился. А тинейджер... Ай да тинейджер! Нетрусливых пареньков делают в датском королевстве! Лезть на человека, вооруженного полноценным клинком, с невеликой секиркой – весьма отважный поступок. Даже если забыть о том, что этот клинок только что вывел из строя трех больших дядек.

Лично я бы не полез. Метнул бы топорик в страшного врага, а сам выдернул бы из стены Хегинов меч.

Паренек недопетрил. Или боевого опыта не хватило. Но махал он топором недолго. Раза два только и успел. Потом я вошел в клинч, притиснул его к столбу (в кои веки я оказался крупнее и тяжелее противника!), легонько, не увеча, приложил бойкого тинейджера коленом в пах, отобрал топорик и отпустил. Вернее, передал обмякшее тельце в крепкие руки старины Пэра. Великая битва закончилась. Пора паковать трофеи.

Глава шестая, в которой выясняются некоторые подробности из биографии Хеги́на Брунисона

Заиндевевшие лошадки, почуяв дымок, а значит, приближение теплой конюшни и полных яслей, затопали веселее, а по этому признаку и я, не обладавший звериным нюхом, сразу сообразил: недалённая дорога близится к финишу.

Хотя мог бы и Лёта спросить: он на местности ориентировался в любое время года: вырос здесь как-никак.

Точно, впереди показался солидный забор, а из открытых ворот нам навстречу мячиками выкатились две пушистые псины и завертелись вокруг, исходя тревожным лаем. Однако близко не совались: соображали, что древком копы по морде – это неприятно.

Я спрыгнул с саней и, обгоняя лошадок, по утоптанному снежку вбежал во двор.

– Знала, что ты пожалуешь! – Рунгерд стояла на крылечке и улыбалась. В белой меховой шубке, с румянцем во всю щеку, она была просто неотразима. Я с трудом удержался от того, чтобы с ходу подхватить ее на руки.

Удержался. Не поймут. Средневековые.

Собачки тут же, без окрика, унялись и запрыгали вокруг нас уже вполне дружелюбно. Хорошие такие собачки, зубастенькие. Свартхёвди Медвежонок с ними на кабана ходил. Без проблем.

Из дома высыпали трэли. Засуетились вокруг лошадок.

Лёта бросил вожжи, соскочил с саней, поклонился хозяйке. С достоинством. Свободный человек как-никак.

– Пожалуйте в дом! – гостеприимно предложила Рунгерд.

– Погоди, ясноглазая. У меня для тебя подарочек.

– О? – Все женщины, даже колдуньи, весьма любопытны. А уж если речь идет о подарке...

– Не знаю уж, понравится тебе иль нет... – проговорил я, подходя к саням. – Жениха тебе привез.

И не дожидаясь ответной реплики, скинул с саней медвежью шкуру.

На дне саней, качественно упакованные, рядом (если не сказать – кучкой), жмурясь от солнышка, возлежали трое агрессоров. Четвертого, раненного в ногу, я брать с собой не стал. Еще помрет по пути.

Удивил я свою подружку-волшебницу. Изрядно удивил. Но она умеет владеть собой.

– И кого из них ты прочишь мне в женихи?

– Я – никого. Но вот этот, – я легонько тронул древком копы скрежетнувшего зубами от злости Хеги́на, – козлик бородатенький назвался твоим будущим мужем.

Рунгерд наклонилась над Хеги́ном Брунисовичем. Глаза ее сузились, губки изогнулись в иронической улыбке:

– Что-то я не припомню, чтобы принимала от тебя свадебные дары, Брунисон.

«Женишок» не ответил, только шурился и сопел в две дырочки. Неудивительно. Ротик-то я ему еще перед отъездом заткнул.

– Ишь ты как! – Я удивленно поцокал языком. – Соврал, значит, соседushка. Вот уж не думал, что такой уважаемый человек – и соврет. Представь, госпожа, ворвался ко мне в дом, с людьми оружными, мечом меня рубить взялся. И всё – от пылкой к тебе любви. Я, вообще-то, разбойников не милую, но, поскольку влюблен человек – пожалел, не убил. Уж я-то его понимаю! – Я одарил мою красавицу многозначительным взглядом. – Хотя, с другой стороны – умереть из-за любимой женщины... Это достойно висы.

А красавица выпятила губку и процедила презрительно:

– Не в меня он влюблен, Ульф Вогенсон⁶, а в мой одаль, – и трэлям: – Развяжите их, дайте им лыжи, и пусть убираются.

– Не так быстро, – возразил я. – Всё-таки их было четверо, прекрасная дочь Ормульфа. Третий у меня в усадьбе остался. Да и напали внезапно. Пришлось попортить им кожу. Не уверен, что все они смогут...

– Ха! Ну и зверя ты добыл, братишка!

Вот приятная неожиданность! Откинув дверной полог, во двор выбрался Свартхёвди Медвежонок.

– Никак сам Хегин Полбочки! А не нацедить ли нам из него ведро-другое ворвани? – И заржал, как конь.

Уже развязанный Хегин глянул на него, как помоечный кот – на волкодава, и кое-как, с помощью мальчишки-тинейджера, уселся на край саней. Вид у «жениха» был небодрый. Крови потерял изрядно. Да и рану я ему нанес весьма болезненную. Третий нападавший, хоть и поднялся сам, но тоже выглядел неважно. Судя по косящим глазкам и тому, что он мне перед отъездом весь двор заблевал, – сотрясение мозга средней тяжести. Нехило ему начальник по башке приложил.

– Ведите их в дом, – распорядилась Рунгерд. – И дайте горячего молока. Позже я займусь ими, а пока хочу выслушать историю с самого начала.

– Правильно говоришь, матушка! – одобрил Свартхёвди. – Хэй, Скиди! – и подмигнул тинейджеру. – Им – молока, а нам – пива. Хорошая история под хорошее пиво звучит намного приятнее.

Право изложить события я уступил Льоту. Язык у него подвешен недурно. Кроме того, он, как коренной местный житель, уж точно не скажет ничего лишнего. Тут ведь – как в суде. Всё, что вы скажете, может быть использовано...

Угадал я лишь частично. Лишнего Льот наговорил много. Но – исключительно о моих подвигах.

Ей-богу, если бы я сам там не присутствовал, ни за что не поверил бы, что это – обо мне. По сути – всё верно, по фактам – тоже. А вот по сравнениям и эпитетам.

Я не возражал. В доме присутствовали две женщины, к мнению коих о себе я весьма равнодушен. А им описание моих геройств, похоже, понравилось.

– Так ли всё было? – строго спросила Рунгерд, когда Льот умолк.

Хегину очень хотелось объявить сказанное враньем и послать нас всех подальше. Но сила была не на его стороне, а Рунгерд... Она ведь колдунья. Следовательно, по глубокому и небезосновательному мнению народа, ложь чувствует.

Так что сын Бруни с забавным прозвищем Полбочки лишь нехотя кивнул.

– Ты везунчик, Полбочки! – заявил Свартхёвди, человек простой и потому частенько обидный в речах – как пинок под зад. – Но ты – дурак! Какой же Ульф чужак, если он из нашего хирда!

– Хирда Хрёрека Сокола? – Судя по роже Хегина, он этого не знал.

Вот и мне урок: обозвался бы кто я есть и с кем хожу под одним парусом, глядишь, и без драки бы обошлось.

– И ты, я думаю, не просто дурак, Полбочки! – добивал униженного бонда Медвежонок. – Ты глупее цапли, если думал, что сможешь управиться с воином. Лучше бы ты овечек стриг да поросят холостил. В этих битвах тебе нет равных.

⁶ Для тех, кто не читал первой книги. Папу главного героя зовут Григорием, то бишь «бодрствующим», – всегда начеку, настороже, или в другом контексте – «осторожным». По-датски – Вогеном.

– Я ходил в вик с Сигурдом Кольцо, – обиженно проворчал Хегин. – Ты не слыхал об этом, потому что был мальчишкой.

Лучше бы он помалкивал.

Лицо моего друга расплылось в очень специфической ухмылочке. С такой вот ухмылочкой мои дружки-викинги отмачивают свои самые обидные шутки.

– Почему же не слыхал? – Медвежонок мало что не облизнулся от удовольствия и предвкушения. – Отец мне рассказывал. Как же, как же, Полбочки! Ведь именно в этом вике ты заработал свое могучее прозвание. – Свартхёвди повернулся ко мне и на манер скальда, протяжно, отбивая на столешнице ритм, заговорил торжественно:

– Не угодно ли славному Ульф, сыну Вогена, выслушать сагу о великой битве, что случилась меж храбрым мужем Хегином, сыном Бруни, и грозным воином из Халогаланда, чье имя неведомо?

– Угодно, угодно! Давай рассказывай!

– Так внимай же, сын Вогена! И вы все внимайте! Вот сага о великой битве за несметное сокровище, что вынесли на берег белогривые кони Ньёрда...

Мне показалось, что Хегин сейчас набросится на Медвежонка. Или лопнет от злости.

Свартхёвди надоело прикалываться, и он продолжил обычным голосом:

– Проще говоря, сцепился Брунисон с каким-то халогаландцем из-за бочки, которую прибило к берегу. Дескать, он ее первым увидел. А халогаландец кричал, что – он. Спорили они, спорили, а когда охрипли, то пришли они с этой глупой бочкой к Сигурду Кольцо. Судиться. Представь только, Ульф: конунг, за которым идут две дюжины кораблей, и два горластых бонда, возомнивших себя хирдманами. И бочка с неведомыми сокровищами – посередине.

Как ты думаешь, Ульф, что сделал Сигурд? Нет, он не отрубил дурням головы. Он попросил, чтобы ему принесли топор лесоруба. А когда его просьба была выполнена, развалил топором эту бочку пополам и сказал: «Забирайте ваши доли».

А в бочке, брат мой Ульф, оказалась ворвань. Причем довольно вонючая, потому что одному только Эгиру известно, сколько эта бочка плавала по морю, пока ее не выловили Хегин с халогаландцем.

Вот на этом вик нашего Хегины и закончился, потому что Сигурд велел ему отправляться домой. Но всё же не зря наш сосед вертел весло драккара аж до самого Еллинга. Заработал себе прозвище. Да еще какое!

Хегин Полбочки выглядел так, будто ему эти полбочки протухшего китового жира только что на голову вылили. Мне вспомнилось, каким гордым он выглядел, когда вломился ко мне домой. Просто хозяином жизни. В том числе и моей...

Почему-то мне стало его жалко. Не люблю, когда людей унижают. Даже если это и справедливо...

– Что ж, – сказал я. – В жизни случается всякое. Однако я вижу, что мужества у Хегины, сына Бруни, тоже в избытке. Другой бы уже без сил свалился с такой раной, а он – держится.

Неудавшийся женишок зыркнул на меня мрачно: видно, решил, что я издеваюсь. А вот парнишка-тинейджер, Скиди, наоборот, взглянул с благодарностью. Сынок Хегинов, не иначе.

Оказалось, нет, не сынок. Оба Хегинова сына сгинули в дальнем вике. Скиди – племянник. Сын родной сестры.

Это мне поведал Свартхёвди, когда его матушка наконец занялась Хегиновой раной. Обработывала гуманно: прижигать не стала. Промыла горячей водой, потом – разными отварами, зашила обычной иглой, наложила сверху мазь, похожую на деготь, но воняющую плесенью, пропела тихонько хитрый лечебный заговор (слов я не расслышал) и забинтовала туго лентой из Хегиновой рубахи. Из нее же соорудила «подвеску» для руки.

Раненый перенес процедуру стойко: не пикнул, не поморщился. Разок, правда, потерял сознание и начал валиться на бок, но был удержан от падения племянником. Через минуту,

однако, пришел в себя и гордо выпрямился. Да уж! У меня в голове вертелась строчка какого-то поэта ⁷: «Гвозди бы делать из этих людей...»

Мне было хорошо. Наелся, напился прекрасного пива, тепло, спокойно. Душновато, конечно, зато – приятная компания. Справа расположился Свартхёвди и загружал в меня инфу о Хегине и его родичах. Согласно версии Медвежонка, род этот был не особенно славен. И удачей не избалован. Большая часть его мужчин умирала насильственной смертью. Эта участь постигла старшего брата Хегина и его сыновей. Сам Хегин ее избежал только потому, что после истории с бочкой вынужден был уйти от Сигурда и заняться своим исконным делом – земледелием. Но ему и тут не везло. Здоровенный кусок земли, который должен был перейти к нему после смерти старшего брата, по каким-то мало понятным мне правилам, достался его бездетной вдове, а после ее смерти перешел не к Хегину, а к брату вдовы: Вальтеву Кьервальвсону. Хегин пробовал судиться, но Вальтев представил втрое больше свидетелей – и тинг проголосовал за него. Что иначе как невезением объяснить невозможно.

По словам Медвежонка выходило так, что роду Полбочки суждено на нем и закончиться, потому что боги к этому роду не расположены. И мой случай – тому очередной пример. Единственная надежда – тинейджер Скиди. Этот парень весьма перспективен: прошлой весной выиграл соревнования в бою на подушках среди юниоров, а это – дело нелегкое. Тут я со Свартхёвди был согласен. Я видел эти «подушки». Тяжеленькие колбаски, набитые шерстью так туго, что ими можно сваи вколачивать. Вдобавок соревнования происходили на деревянном «бревне» типа гимнастического, а дубасили соревнующиеся друг друга так, что только крепкая скандинавская конституция спасала бойцов от смертельного исхода. Переломы и вывихи, впрочем, случались частенько.

Что же до Скиди, то папа его был не каким-нибудь дренгом, а целым хёвдингом. И убил этого папу не кто-нибудь, а самый настоящий Рагнарсон: Сигурд Змей в Глазу (или Змеинный Глаз, уж не знаю, как правильно толковать), причем не в поединке, а во время игры в мяч. Я уже упоминал, что игры у них тут суровые.

Хотя подобное убийство не считалось уголовным преступлением и не облагалось вергельдом, Сигурд денежку заплатил. И немаленькую. Денежку эту присвоил дядюшка Хегин и с ее помощью сразу вышел в богатые землевладельцы. Хегина, впрочем, никто не осуждал. Наследников у него, кроме Скиди, не было, так что и богатство его рано или поздно перейдет к племяннику.

Если тот, конечно, не помрет раньше дядюшки, что в этом мире – вполне возможный вариант.

Я слушал обстоятельный рассказ Медвежонка – и млел. Не от рассказа, естественно, а потому что слева от меня сидела божественная Гудрун и ласковыми пальчиками перебирала мои волосы. Вшей искала. Вшей у меня нет, но всё равно очень приятно.

А напротив меня расположилась несравненная Рунгерд. На губах ее играла загадочная улыбка, в то время как ее ножка в изящной домашней туфельке из тонкой кожи покоилась у меня на коленях... Ну не совсем на коленях, и не совсем покоилась...

Не знаю, как я буду разруливать этот треугольник... Ну, разрулю как-нибудь... Пока я просто наслаждался.

– А не хочешь ли ты, друг мой Ульф, проверить, каков наш маленький Скиди – на мече? – вдруг предложил мне Свартхёвди.

Я не хотел. Единственное мое желание – чтобы меня не трогали. Вернее, трогали, но уж никак не мечом.

– Не хочу.

⁷ Н. Тихонов.

– А может, посмотришь, как я поучу его немного?

Черт! Отказать Медвежонку было нельзя. Мы покушали, выпили. Теперь самое время проявить молодецкую удаль. Тем более что обе красавицы моментально прекратили меня нежить и наострили ушки. Еще бы! Шоу!

Я, кряхтя, выбрался из-за стола. На моих плечах тяжким грузом лежали вечерняя драка, бессонная ночь, дневной переход и сытный обед.

Глава седьмая, в которой герою представляется возможность показать свою крутизну

Вся наша застольная братия-сестрия дружно высыпала во двор. Вся – это Медвежонок, Гудрун, Рунгерд, четверо людей Рунгерд, из которых я знал только Гнупа Три Пальца, их жёны, Льот Рукавичка, Хегин, его ушибленный на голову боец, племянник Скиди, непонятный дедушка, две девки-прислужницы... Словом, зрителей с самого начала набралось немало, а уж во дворе их количество утроилось, потому что на грядущее зрелище набежали прочие работники усадьбы, свободные и трэли. Вся эта толпа быстренько распределилась по ранжиру и приготовилась глазеть.

Свартхёвди принес с собой пару тупых тренировочных мечей и два таких же учебных, то есть грубых и довольно тяжелых щита.

Они с пареньком встали друг напротив друга.

Давид против Голиафа. Поправка. У библейского Давида было дистанционное оружие – праща. А у этого – современный аналог той палицы, которой орудовал библейский Голиаф. Будь такое вооружение у будущего иудейского царя – и не было бы ни царя, ни будущего.

Медвежонок – он и есть Медвежонок. Высокий, широкий, мощный, длиннорукий. Волосы и борода заплетены в косицы, челюсти – как капкан, глазки маленькие, рожа красная... Словом, настоящий викинг. Воплощенный кошмар мирного французского (английского, славянского, немецкого – нужное подчеркнуть) землепашца.

Скиди же еще не викинг. Заготовка одного. Росту примерно моего, а в плечах, пожалуй, даже пошире. Но мясу на этих плечах еще расти и расти. Против Свартхёвди он – щенок. Хотя и породистый. И стоит хорошо, правильно. Плохо, что напряжен. Но это как раз понятно.

Мой дружок приглашающе постучал клинком по щиту: мол, давай, салабон, покажи доблесть. И малехо приоткрылся: опустил щит, а меч нахально положил на плечо. И это на дистанции прямого выпада. Ух я бы его поучил за такое пренебрежение к противнику!

Оп! Нет, ну очень хороший выпад! Еще чуть-чуть – и паренек достал бы старину Медвежонка. Чуть, конечно, не считается, Свартхёвди отпрыгнул весьма резво, поймал щитом следующий удар. Махнул сам – сразу видно: только чтоб пугнуть.

А Скиди – не пугнулся. Нет, он определенно молодец. Дистанцию чувствует, со щитом управляется не то чтобы очень умело, но, во всяком случае, щит ему не мешает. Бьет по открытому...

Свартхёвди тоже умница. Паренька не давит, наоборот, отступает, кружится, показывает-открывает то ногу, то бок, вовлекая Скиди в процесс непрерывной атаки.

Сапоги поединщиков проворно уминали снег. Зрители азартно вопили. Большинству, вероятно, казалось, что Скиди побеждает. Только те, кто поопытнее, видели, что Свартхёвди полностью контролирует, ведет бой, управляя каждым движением противника. Высший пилотаж. Интересно, сам паренек это понимает?

Похоже, что нет. Физиономия азартнейшая. Еще бы! Парнишке кажется, что он вот-вот достанет противника. Еще чуть-чуть быстрее, сильнее, резче...

Он непрерывно наращивал темп... Вернее, это Медвежонок вынуждал его ускоряться: дразнил, провоцировал, показывал фальшивую слабость... А сам при этом так экономно расходовал силы, что даже не запыхался.

Всё, сейчас мальчишка сдохнет. Пот градом, движения потеряли точность... Но не сдается. Силы иссякли, а он всё равно атакует, бьет... На голой воле. Вот из таких вырастают чемпионы. И викинги. У последних, впрочем, отбор жестче. Тут не бывает ни золотых, ни

серебряных медалей. Каждый поединок – финальный, а награда – жизнь. Ну и добыча, если повезет.

Медвежонок закончил бой так же красиво, как и вел. В самый последний миг, когда я уже подумал: сейчас паренек свалится, как Свартхёвди очень ловко подставил бок под удар, слабенький, медленный (Зато все видели: Скиди достал!), и тут же подхватил парнишку, обнял, уже почти ничего не соображающего, довел-донес до бревнышка у стены, усадил аккуратно...

И подмигнул мне: мол, видал, как я хорош! А как он хорош! Какой боец будет!

– Ульф! – Еще более прекрасная, чем обычно, Гудрун, с покрасневшимся на морозе личиком, пихнула меня кулачком в бок. – А покажи ты нам свое искусство! – И чтобы не оставалось сомнений, какое именно искусство она имеет в виду ⁸: – Покажи нам, как ты один четверых одолел!

Что мне ответить? Сказать, что я устал? Герои, блин, не устают. Придумать другую причину? Так ведь не поймут. Дикари-с. Азия-с... Тьфу, Северная Европа! В Азии-то как раз нынче – культура. Византия, Кордова, Испанский халифат... Или эмират... не помню уже. Но – информация к размышлению. Я точно знал: плавали туда викинги. И бесчинствовали. Впрочем, сейчас не до исламской Испании. Сейчас требуется прямо здесь доблесть показывать.

Я оглянулся на Рунгерд. Величественная вдова благосклонно качнула прекрасной головой. Мол, давай, друг любезный. Покажи класс.

Ну хрен с вами, золотые рыбки!

– Медвежонок! – крикнул я. – Подыщи мне шест локтей пяти и толщиной в три пальца. Да чтоб гибкий был!

Инструмент нашелся. Отлично высушенная ошкуренная жердина. Достаточно упругая и не слишком тяжелая. Теперь попробуем сделать из нее макет китайского учебного копья. Нужна красная тряпка...

Тряпка нашлась. Я обмотал ею конец шеста (пояснив, что это – для безопасности моих противников), оставив хвост нужной длины.

Ну теперь повоюем. Есть желающие?

Как только я сообщил, что я буду драться этой обмотанной палкой, а мои противники – боевым оружием, в добровольцы записались практически все свободные взрослые мужики поместья. Числом восемь голов.

Свартхёвди очень хотелось поучаствовать, но он сдержался. Это хорошо. Равных мне по классу не будет. Надеюсь.

Участники минут десять разбирались с оружием, потом еще минут десять препирались из-за очередности.

Я подмигнул Гудрун и заявил, что мне лень плющить их поодиночке. Пусть нападают все сразу, только места бы нам побольше.

Восторженная Гудрун захлопала в ладоши, а ее очаровательная матушка, напротив, забеспокоилась. Но я поймал ее взгляд и тоже подмигнул: мол, все под контролем.

Биться договорились так: кто упал – тот выбывает. Кто потерял оружие – выбывает. Никто не возражал. У моих противников – полноценное боевое железо, а у меня, считай, простая палка с обмотанным концом.

Зрители разошлись. А мы сошлись.

Безусловно, мои противники не были новичками в обращении с оружием и умели работать как с копьем, так и против оною. Однако мой шест был значительно длиннее всех традиционных видов норманского копия, так что их навыки сразу сыграли против них – дистанция-то другая.

⁸ В понятие «искусство» входили, кроме умения владеть оружием, также умение плавать, верховая езда, игра в мяч, лыжи и многое другое, например умение слагать стихи.

Троих я кинул на снег буквально за пару секунд. Промельк красной тряпки перед носом (щит, рефлекторно, вверх), а потом – мощный подсекающий удар по ногам.

Двоих набежавших сзади, я встретил тоже достойно. Одного – тычком в переносицу (Ну совсем лох – кто же так по-крестьянски топором замахивается? Я же – не полено сосновое!), другого, после парирования шестом плоскости меча, – в прыжке (заодно дистанцию набрал) ногой во вскинутый щит. И сразу, с длинного маха – по уху. Оба – на снегу, а я – уже в развороте, чтобы встретить набегающую тройку.

Лидировал в ней, безусловно, Гнуп, вооружившийся, кстати, не мечом, а копьем. Ну и щитом, разумеется. Тряпкой я его не обманул, от подсечки он ушел прыжком вверх, и она досталась другому, который кубарем покатился под ноги третьему. Этот споткнулся, выронил щит и схлопотал тычок в солнечное сплетение... Не упал, но согнулся буквой «г» и выбыл минимум на полминуты.

Тем временем умница Гнуп сократил расстояние между нами до удобного для собственной атаки. И атаковал, почему-то решив, что оказался в «мертвой зоне» моего шеста.

Я его разубедил, перехватив шест двумя руками и отбив копейный удар (контролируемый, кстати, – Гнуп не собирался насаживать меня на шампур), и с маху ударив плечом в Гнупов щит... Черт! Проклятая разница в массе! Не Гнуп отлетел, а я. Оп! Уже мне пришлось подпрыгнуть, пропуская маховый удар понизу. Что ж, ты, уважаемый, тяжелее, но я – проворней. Стремительный набор дистанции – и мой шест вновь встретился с древком Гнупова копья. Причем уже на удобном для меня расстоянии. Я тут же «заплел» копьё противника и привычным рывком (левая – опора, правая – рычаг) вырвал оружие убийства из мощной пятерни Гнупа Три Пальца.

Тот опустил щит, признавая поражение, а я, на радостях, станцевал танец с шестом перед кое-как разогнувшимся последним противником. От мелькания красного хвоста и свиста рассекаемого воздуха прямо у собственного носа бедолага натурально ошалел и замер столбиком, что позволило мне весьма эффектно выбить у него сначала щит, потом – топорик, который взлетел в правильном направлении и оказался в моей левой руке.

Всё, шоу закончено!

То есть это я так думал, слушая восторженный рев и визг зрителей.

Но я кое-о-чем забыл. А именно – о тщеславии моего друга Свартхёвди.

– А ну я! – воскликнул Медвежонок, подхватил копьё Гнупа и бросился в атаку.

Я отреагировал слишком поздно и подпустил Свартхёвди на расстояние копейного удара. Сухой треск сшибающегося дерева был подобен автоматной очереди – так быстры были удары и отбивы. На расстоянии двух шагов мое оружие теряло преимущество длины, однако Медвежонок остерегался работать железком (на мне была только шерстяная куртка), и это несколько уравнивало шансы. Зато я не сомневался, кто устанет быстрее. Соревноваться в выносливости с потомственным викингом – всё равно что пытаться загрызть кабана.

Свартхёвди наращивал темп. Я отбивался как мог. Несколько раз он весьма прилично достал меня по ребрам. А я его – по ногам. Мелькающий красный «флажок» с толку его не сбивал – не тот уровень. На моем шесте уже имелись порядочные зазубрины от контакта с копейным наконечником. Отбивать железом Свартхёвди не опасался... И я этим воспользовался. Выбрал момент – и нанес удар, что называется, со всей дури, да еще с перебросом из-за спины, сверху, открывшись (на мое счастье – Медвежонок не поверил: решил, что обманка) так, чтобы Свартхёвди вынужден был отбить именно железком и как раз по старой зарубке... Хрясь!

Моей левой руке стало очень больно. Шест переломился пополам в ладони от места хвата. Зато я получил возможность ударить другим концом аккуратно по тому же месту. А именно – по Медвежонкову правому локтю. Хорошее место – рука Свартхёвди враз онемела. Правда, копьё он не отпустил (он и мертвый не разжал бы пальцев – генетический, надо полагать, рефлекс), но это лишь помешало ему действовать левой рукой, когда я, на обводе, прямо-таки классиче-

ским викингским приемом бросил свой укороченный шест по нисходящей дуге аккуратно под Медвежонково колено. Будь это меч – остался бы мой друг без ноги, если бы не успел убрать конечность. Но сейчас его ноге угрожала всего лишь какая-то палка. Свартхёвди просто перенес на нее тяжесть своего пятипудового организма... И «какая-то палка» воткнулась в его ногу пониже коленного сгиба. Аккурат в то самое место, где располагается нужная точка...

Ногу Свартхёвди скрутило от жуткой боли, она подогнулась, и мне осталось только чуток подтолкнуть...

Но я этого не сделал. Свартхёвди – мой друг и хускарл Хрёрека-ярла. Негоже ему валяться на снегу, словно какому-нибудь бонду-землепашцу. Поэтому, сократив дистанцию, я обнял его, крепко ухватив за пояс, и помог устоять и оклематься.

На этом наше соревнование закончилось, и мы, Медвежонок – прихрамывая, а я – потирая бок, двинулись возмещать потерю жидкости замечательным пивом Гудрун.

Всё-таки хорошая вещь – точечная техника. Жаль только, что эффективность ее в настоящем бою ничтожна. Секире совершенно безразлично, в каком месте отрубить жизненно важный орган, а копьё, доставшее до печени, отправляет в Валхаллу вне зависимости от того, под каким углом и в какой точке оно вошло в тушку.

Однако не думайте, что эти восточные наработки бесполезны в средневековой Европе. Очень даже полезны. Например, в постели, если знаешь, как и куда нажать, можно очень даже...

Хрена лысого! Не было у меня никакой постели! Зря разлакомился. Госпожа Рунгерд недвусмысленно дала мне понять: у нее дома – никакого секса! Ежели невтерпеж – можно девку прислать.

От девки я гордо отказался. И в награду мне сделали лечебный массаж с применением травяных мазей. Тоже весьма приятно. И полезно: к утру от болезненных ушибов остались только синяки и воспоминания. Вот оно, колдовство! Интересно, а юная Гудрун владеет прабабушкиной магией?

Глава восьмая, в которой выясняется, что магия, страсть и секс неплохо работают в одной упряжке

Юной Гудрун финская магия была без надобности. У нее была своя собственная, которая называлась: таким глазкам отказать невозможно.

– Подари мне что-нибудь, Ульф-хускарл, – сияющие глаза Гудрун на мгновение оказались в сантиметрах от моих. Я кожей ощутил ее близость... Ей-Богу, мне потребовалось всё мое самообладание, чтобы удержать в неподвижности руки. Это был зов, которому было почти невозможно противиться. Я вцепился в столешницу с такой силой, что вполне возможно, на дереве остались вмятины.

Ну да, мы опять сидели за столом и жрали. Что поделаешь. Вскорости мы с Медвежонком намеревались отправиться в Роскилле, а перед дальней дорогой полагалось сытно покушать. Но от близости синеглазой сестренки моего друга у меня напрочь выветривались мысли о еде. А руки сами тянулись...

Нельзя! Нельзя хватать жадными лапами свободную девушку благородных кровей. Это закон. Она может обращаться с тобой как угодно. Шептать на ушко, трепать, гладить... Но инициатива – всегда за ней. Нахальная девчонка может сколько угодно провоцировать мужчину... Но если тот поддастся на провокацию, тем хуже для него. Хорошо, если обойдется только вирой...

– Какую-нибудь мелочь, славный Ульф... Не то я подумаю, что совсем тебе не нравлюсь...

Искушающе приоткрытый рот так близко, что я чувствую губами теплое дыхание...

– ...Или я подумаю, что ты – просто жадина!

На мое счастье, в следующую секунду она выпрямилась и громко рассмеялась.

А еще чуть-чуть – и я бы начал срывать с себя золотые цапки.

Я мог бы вечно смотреть, как она двигается, как наливает пиво в чашу брата...

Надеюсь, буря у меня внутри не отразилась на моем лице. Я и так чувствовал себя дурачком, который тупо лыбится, пляясь на девушку своей мечты, не способный и слова внятного выдать...

– На меня ты так никогда немотришь, – Рунгерд игриво толкнула меня плечом.

– Как? – всё еще пребывая в состоянии очарованного дебила, выкнул я.

– Как медведь – на мед.

Ее рука под столом игриво стиснула мою ногу.

И я очнулся.

– Это – чары, да? Признайся: ты меня заколдовала?

Рунгерд улыбнулась и покачала головой.

– Значит, это она меня заколдовала. – Я следил за Гудрун, наливающей пиво Тори, сыну Скейва Рысье Ухо.

Тори с папашей (соседи, блин) заявили на фазенду Рунгерд прямо с утра. Огорчились, обнаружив здесь меня и Хегина Полбочки с соратниками.

Правда, узнав, что мы со стариной Полбочки – не в корешках, а совсем наоборот, Скейв оживился и вспылал ко мне симпатией. Оказывается, они с Хегином Брунисовичем – в вялотекущей ссоре еще с дедовских времен. Такие вот латиноамериканские страсти.

Увы! Ответить взаимностью рысьеухому Скейву я не мог. Главным образом, из-за его сына, белобрысого щекастого дебила с белесой немочью, пробивающейся на прыщавом подбородке.

Мясистый недоросль недвусмысленно выражал свою симпатию к Гудрун. А та охотно поддерживала игру. Нет, я не ревновал к мордастому Тори. Будто Гудрун заигрывала не с мужчиной, а как... с собакой, что ли. Без всяких на то оснований я чувствовал эту девушку настолько своей, что ревности не из чего было расти. Меня просто раздражало, что какое-то чмо трется около нее. И полагает, что так и должно быть.

Я не слышал, о чем они говорят, но не сомневался, что Гудрун кокетничает. В отличие от меня, Тори за словом в карман не лез. Гудрун фыркнула и дернула сына Скейва за косицу. Тори радостно заржал.

Голос Рунгерд вернул меня к действительности:

– Чары? О да, чары! – В голосе прекрасной вдовы звучала явная насмешка. – Только это чары совсем другого толка, чем ты думаешь. Чтоб ты знал, Ульф, настоящая способность к волшебю передается через поколение. Возможно, дочь моей дочери станет хозяйкой рун, но не сама Гудрун, какое бы имя она ни носила. Ее чары не от мудрости Норн. Ей вполне подошло бы прозвище – Улыбка Фрейи. Но горе тому, кто назовет так мою дочь, – взгляд Рунгерд на мгновение стал ледяным.

– Почему? – спросил я.

– Потому что так когда-то звали меня. И это стоило жизни моему мужу⁹.

Я вопросительно взглянул на Рунгерд... И понял, что подробностей не будет.

– Что ж, сделаем отметочку в памяти: выяснить, каким образом отошел в лучший мир папа Свартхёвди. Как его... Сваре, поскольку Свартхёвди у нас Сваресон. Вот у самого Свартхёвди и выясним... Хотя нет, не стоит. Медвежонок – не тот человек, который стал бы таить от друзей историю своего папаша, если бы ею можно было похвастаться. А раз парень помалкивает, значит, поговорить об этом лучше не с ним, а с кем-нибудь еще. И поговорить обязательно. Как-никак дело касается моих будущих (хотелось бы надеяться) родственников...

Хорошо, – легко согласился я. – Забудем это роковое прозвище. Но если ты решишь отдать дочь за кого-нибудь, кроме меня, пеняй на себя!

– А что ты мне сделаешь? – кокетливо улыбнулась Рунгерд.

Я наклонился и, шепотом на ушко, поведал ей, что именно я с ней сделаю. Причем – публично. И тогда ей, как ни крути, придется выйти за меня замуж самой.

Рунгерд захихикала и ущипнула меня за ногу.

– Я подумала, – игриво пообещала она. – Такого глупого и беспечного воина, как ты, скоро убьют. И я присоединю твой грэнд к моему одалю. Удобная бухта мне не помешает. Пусть новые женихи приплывают ко мне на больших драккарах.

– Ага, женихи! – проворчал я, ощущая вполне определенное беспокойство (Ведьма, блин! «Тебя скоро убьют». Базар фильтровать надо!). – А свирепого ярла из Вестфольда не хочешь? С полусотней голодных нореков с женилками наголо?

Как оказалось – накаркал я, а не Рунгерд. Но выяснилось это двумя месяцами позже.

– Пока Сёлундом правит Рагнар, женилки голодных нореков – не опаснее дождевых червей! – рассмеялась Рунгерд.

Ну да, с такой «крышей» можно не бояться морских разбойников. Однако нет такой «крыши», которая гарантировала бы от безбашенных отморожков. А до подхода «кавалерии» еще продержаться надо.

⁹ Фрейя, сестра бога Фрейра. Богиня любви, плодородия, жатвы и пр. Она невероятно красива, и сердце у нее нежное и сострадательное. Однако в лучших традициях норманов она по совместительству является предводительницей валькирий, и поле брани – тоже место ее жатвы. Мужа у нее нет. Вернее, она – вдова. Зато у нее есть официальный любовник по имени Хильдисвини, который большую часть времени проводит в облике кабана. Желających убедиться, насколько близок (или далек) образ Рунгерд к красавице из скандинавского пантеона, рекомендую обратиться к первоисточникам.

Эти мысли я начал излагать моей очаровательной подруге и посоветовал не раскатывать губу на мое поместье.

Но закончить не успел.

Засранец Тори Скейвсон ухватил мою (!) Гудрун и принялся нагло тискать.

Меня как пружинкой подбросило...

Но вмешаться я не успел.

Борзой сынок Скейва Рысье Ухо взмемекнул козлом и так же, по-козлиному, проворно отпрыгнул от Гудрун, прижимая ладонь к бедру.

– В следующий раз я тебе полморковки отрежу! – ледяным голосом пообещала датская красавица.

Ух ты! Девушка моей мечты в гневе – еще прекраснее!

Свартхёвди оглушительно заржал и треснул лапой по столу так, что опрокинул чашу с пивом.

Шустрый паренек Тори покраснел почище вышеупомянутой морковки. И поковылял к ухмыляющемуся папаше, который поманил сынка пальцем. И, доковыляв, получил сочного леща.

Я, ухмыляясь, опустился на скамью. Вот так! Не хватай чужое!

Свартхёвди подмигнул мне: во какая у меня сестренка! А я тебя предупреждал!

И опрокинул себе в глотку мое пиво.

Я не обиделся, поскольку девица-красавица, как ни в чем не бывало, подрулила ко мне, вновь наполнила емкость. Ага, вот от этого красивого ножика с ручкой из моржовой кости шустрик Тори и пострадал. Незначительно. Но – обидно.

– А если я тебя поцелую, ты меня тоже порежешь?

Искушающая улыбка... Нет, такое стерпеть просто невозможно!

Ах, какие губки! И не только губки... Не оторваться...

– Вот! – пробормотал я, задыхаясь. – Теперь режь!

– Тебе – можно! – Лукавая улыбка, розовый язычок, пробежавшийся по чуть припухшей губе. – Подари мне такие же сережки, как маме подарил, и можешь целовать меня сколько хочешь.

Вот так. Я вмиг отрезвел. И от пива, и от девичьих чар. Даже вспомнил, что я – крутой викинг, и по-хозяйски (но так, чтобы никто не видел) возложил мозолистую длань на то место, где мягкая шерсть платья и тонкий лён исподней рубахи искушающе облегали идеальную выпуклость ягодицы. Стиснул аккуратно, но крепко, прижал Гудрун к себе. Без грубости, но так, чтобы прочувствовать грудью ее плоский животик и твердость напрягшегося бедра.

Меня бросило в жар – то ли от собственной наглости, то ли от вольного прикосновения к телу девушки моей мечты... Я ощутил легкую дрожь этого великолепного тела и его внезапную (пусть всего на секунду) мягкость-расслабленность, безошибочно сообщившую: что бы за мысли ни мелькали в красивой головке Гудрун, но ее женское начало уже поддалось уверенной власти мужчины (то есть – меня) и готово принять эту власть немедленно и полностью.

Я не видел лица Гудрун, но точно знал, что ее прекрасные глаза в этот миг полузакрыты, а пухлые губки, напротив, приоткрыли влажные белые зубки... И еще кое-где у прекрасной юной датчанки наверняка повлажнело...

В следующую секунду рука моя была сброшена... Вернее, аккуратно убрана, а сама Гудрун легко (поскольку я ее более не удерживал) выскользнула из моих объятий и двинулась дальше, вдоль стола. То, что острая на язык датчанка не произнесла ни слова и даже не посмотрела на меня, сказало мне больше, чем любая гневная речь.

Я заставил себя не провожать ее взглядом, повернулся... И увидел, как смотрит на меня Рунгерд!

Она тоже всё видела и всё поняла. И она, похоже, неслабо завелась. Или я совсем уж ничего не понимаю в женщинах. О, этот жаждающе-обещающий взгляд!

Я уже знал, что у нее в доме – нельзя. Слишком много посторонних глаз. Слишком вредно для общественного мнения.

Датский закон позволяет вдове владеть имуществом мужа. Но не поощряет распутства. Женского.

Кто знает, как отнесется мой друг Свартхёвди к тому, что я делю ложе с его матушкой.

А уж как к этому отнесется Гудрун, можно даже и не гадать. Скверно отнесется.

Я еще размышлял, а Рунгерд уже действовала.

– Я кое-что вспомнила! – произнесла она торжественно. – Сегодня мне приснился плохой сон о тебе, Ульф Вогенсон!

До конца справиться со своим голосом женщине не удалось. Но я надеялся, что народ не отличит страсть сексуального характера от эмоционального напора специалистки по волшбе.

Не отличили. Каждый был занят делом: кушал и выпивал. Так что присутствующие уловили лишь смысловую часть послания.

Возможно, Гудрун, хорошо знавшая мать, и заподозрила бы, но... Покинув меня, она отправилась дразнить молодого Скиди (беднягу аж трясло от избытка гормонов) и в общем гомоне поймала лишь хвостик информационного сообщения.

И вмиг озаботилась. «А как же сережки?» – ясно читалось в ее тревожном взгляде.

Все присутствующие дружно устали на хозяйку. Но далеко не все – с беспокойством о моем здоровье. На рожах Скейва и его уколотого ножиком сыночка явно читалось не беспокойство, а искренняя надежда, что сон – в руку. После нашего с Гудрун поцелуя в числе их друзей я больше не числился.

– Какой сон, матушка? – спросил Свартхёвди, откладывая на время недогрызенное свиное ребрышко.

– Я же сказала – плохой, – с легким раздражением ответила Рунгерд.

– И что теперь?

Дочь Ормульфа Полудатчанина пожала плечами.

– Ты можешь отвести беду? – в лоб спросил Медвежонок.

– Ты хочешь, чтобы я, хозяйка, оставила гостей и отправилась ворожить? Прямо сейчас? Это неприлично.

– Почему же? Я тоже хозяйин, и я никуда не уйду. Не думаю, что кто-то найдет повод для обиды!

При этом покрытая рыжей щетиной нижняя челюсть Медвежонка очень характерно выдвинулась вперед.

Гости (даже Рысье Ухо с сынулей) тут же бурно выразили свою солидарность с позицией Свартхёвди. Ссориться с Медвежонком никому не хотелось.

Девка из рабынь помогла Рунгерд обуться, подала шубку. Я поспешно оделся. Надо же! Плохой сон... Наверняка соврала. А если – нет?

Мнительный я стал, однако...

Выходя, Рунгерд прихватила со стола кость с остатками мяса, поманила одного из псиков.

Тот нехотя (жрачки и в доме хватало) потрусил за нами.

Через пятнадцать минут (снегу навалило – надо было лыжи взять) мы добрались до ведьмовской лаборатории.

Рунгерд бросила кость на снег, скомандовала псу: «Вагт!» (Сторожить!) – и откинула дверной полог.

Ах-ха! Первый раз традиционно (у нас уже появились традиции!) наспех. Не раздеваясь, быстрее– быстрее! Прекрасная вдовушка пала пышной грудью на стол, дернула шнурок, отпуская штанишки из мягкой синей шерсти, всхлипнула:

– Скорей! Не медли!

Я и не медлил. Запрокинул подол шубки, платье. Какой вид! Воистину вот она, воплощенная женственность! Широкие, белые, округлые... Ах, как она задрожала, почувствовав мою руку!

– Ну же! – Какой у нее чудесный, возбуждающий голос. – Быст... О-о-о!

И вцепилась зубами в мех, то рыча, то всхлипывая, выгибаясь и содрогаясь, толчками, мне навстречу.

Я ухватил правой рукой сразу обе косы, потянул, запрокидывая ее голову, левой рукой – снизу, за горячий живот, повыше мокрой густой (интимные стрижки здесь не приняты) поросли, и погнал ее, вскрикивающую, стонущую, задышающуюся, вверх, к той вершине, где небо опрокидывается на землю.

Не скажу, что эта скачка продолжалась долго. Но взобрались мы высоко. Так высоко, что я тоже рычал и хрипел, а косы-поводья дергались в моих руках, как живые... Только местному богу Фрейру известно, как мне удалось не свернуть шею моей страстной возлюбленной.

Воздух в колдовской лаборатории был ненамного теплее, чем снаружи (градусов под десять мороза), но, когда мы в обнимку повалились, нет, рухнули на широкую лавку, нам было чертовски жарко. Надышали, должно быть. Ха-ха!

Впрочем, для викингов холод – ерунда. И женщины у них такие же. Я не викинг, но замерзнуть рядом с раскаленной печкой... Шутите!

Я ласкал груди Рунгерд, чувствуя, как она вздрагивает, слышал ее учащенное дыхание... Но медлил, потому что (вот я какой хитрец!) собирался задать вопрос и услышать на него правдивый ответ раньше, чем жаркая влажная сердцевина страсти стиснет мой... меня. И начисто отнимет способность соображать.

– Плохой сон. Ты видела плохой сон, – прошептал я около спрятанного в меха ушка. – Это правда?

– Правда, – в волшебном голосе Рунгерд я сумел уловить не только желание, но и насмешку. – Очень плохой сон! – Ее рука нашла то, что искала. – Ах, какие вы, мужчины, пугливые! Только что было такое копьё, а теперь так... Оселок. Не бойся, мой герой! Сон был плохой, только тебя там не было! – и рассмеялась хрипло. – Какой еще сон может видеть одинокая женщина! Может, приснись ты мне, сон был бы намного лучше! Ну давай же! Пока нас не хватились!

Примерно через час мы снова вышли на морозец. Оставленный на страже пес тут же вскочил и с большим интересом нас обнюхал.

– Домой! – скомандовала ему Рунгерд и, положив руку мне на плечо, объявила: – Каждый раз забываю, какой ты маленький!

Я обиделся, а Рунгерд расхохоталась.

– Это потому, что там, – кивок на лабораторию, – ты казался мне намного больше! Пожалуй, мой великан, я не вернусь к гостям. Не стоит.

Я посмотрел на нее и мысленно согласился: не стоит. Любой мало-мальски опытный человек, глянув на Рунгерд, сразу бы догадался: ох, не магией мы с ней занимались!

– Спать пойду. А ты иди. Скажи всем: у тебя всё хорошо, а я очень устала.

Я так и сделал. Тем более что говорить правду легко и приятно.

Похоже, никто ничего не заподозрил. Только простодушный Свартхёвди, обладавший отличным слухом, сказал:

– Я до ветру ходил, слышал: вроде стонал кто-то.

– Было дело, – глазом не моргнув, подтвердил я. – Духи, сам знаешь...

Уж не знаю, что именно знал о духах Медвежонок, но он спокойно кивнул и больше к этой теме не возвращался.

А я подумал: прекрасная вдовушка не так уж неправа, когда опасается лишних ушей.

Надо, кстати, у меня в усадьбе лодочный сарай под спаленку оборудовать. Там, правда, рыбой воняет...

Глава девятая, в которой герой получает подарок, а затем покидает «сельскую глубинку» и возвращается в ставку Рагнара-конунга и его воинства

На следующий день гости разъехались. Но прежде старина Свартхёвди ухитрился помирить меня с Хегином Полбочки. Причем не просто помирить, а сделать нас чуть ли не друзьями. Секрет был прост. Я брал в ученики молодого Скиди. Главная задача учебного процесса – подготовить паренька в работе с холодным оружием, потому что в прочих норманских искусствах вроде плавания и бега на лыжах мой ученик мог бы дать мне приличную фору без риска проиграть.

Я по-быстрому опробовал нового ученика – и решил, что к весне научу его орудовать мечом не хуже Рулафа. А затем мы с Медвежонком представим его Хрёреку, и ярл будет решать, годится ли Скиди в молодые бойцы. В дренги, то есть. Думаю, проблем не будет. Тем более что родословная у парнишки отменная. Хрёрек это любит.

Сговорившись с Медвежонком о скорой поездке в Роскилле, мы с моими бывшими пленниками, а теперь – друзьями отправились в обратный путь.

По дороге я принялся выспрашивать Хегина насчет его мохнатого соседа-йети.

Полбочки сначала удивился, потом, когда понял, что я говорю всерьез, озаботился.

О маленьких йотунах (Интересно, каковы большие? Размером со слона?) он знал намного больше меня и ничего хорошего от «снежного человека» не ждал. С ходу начал меня упрашивать повернуть назад, дабы подключить к решению проблемы Рунгерд.

Я чуть не поднял его на смех, но потом вспомнил, что именно благодаря Рунгерд йети не сделал из меня эскалоп.

И заткнулся.

Назад, тем не менее, не повернул.

Весь оставшийся путь Хегин нагонял на нас страху. Мол, убить йотуна почти невозможно, потому что силен, как три медведя, быстр, как дикая кошка, вдобавок оружие его не берет. Справиться можно только хитростью, но убивать всё равно нельзя. Йети числят в родичах морского великана Эгира ¹⁰. Убьешь йотуна – на море лучше не суйся. А если от него не избавиться... Йотун в переводе с местного – обжора. Комментарии требуются?

В итоге договорились заняться этим вопросом вместе. Когда я вернусь из Роскилле. Ей-богу, любопытство меня когда-нибудь погубит.

Дома в мое отсутствие никаких ЧП не произошло. Раненый человек Хегина тоже чувствовал себя неплохо и очень обрадовался тому, что он больше не пленник. Пока меня не было, Хавчик основательно загрузил его историями о моем свирепом характере и боевых навыках. О чем мне и похвастался. Я одобрил. Великий боец, вспыльчивый и свирепый, с навыками колдовства, член команды Хрёрека-ярла, к тому же пользующийся расположением (как иначе понимать приглашение в хирд?) Ивара Рагнарсона...

С такой репутацией я мог быть стопудово уверен, что никто из соседей ни на меня, ни на мою собственность покуситься не рискнет. Хавчик – великий специалист по средневековому пиару.

¹⁰ Позволю себе напомнить читателю, что великан Эгир (дружественный положительным богам Асам) на пару со своей супругой Ран, собирающей в сети утопленников, «крышует» морские просторы.

Я подарил Хегину жизнь и свое расположение, а поскольку по здешним понятиям подарки требуют отдарков, Хегин тоже сделал мне презент: молоденькую английскую рабыню, обученную искусству тонкой вышивки и вдобавок весьма привлекательную.

Подарок был щедрый. Рыночная цена его, по словам Хавчика, даже сейчас, когда цены на рабов (стараниями викингов) порядочно упали, тянула на полную весную марку серебром.

Девочку звали Бетти, и она жутко обрадовалась, узнав что я немного владею ее родным языком. Судьба ее оказалась типичной. В шесть лет родители отдали ее за долги какому-то монастырю на юго-востоке Англии. Там девочку обучили ремеслу и собирались постричь в монахини, но не успели.

Монастырь разграбил старший сынок Рагнара Сигурд Змей в Глазу.

Как я уже отмечал, Бетти была довольно хорошенькой, а в ту пору еще и девственницей, поэтому ее не искалечили и не изнасиловали. Вместе с полусотней таких же молоденьких и привлекательных девочек и мальчиков ее должны были отправить на восточные рынки: в Византию и дальше. Но кнорр, на котором везли Бетти, получил повреждение. Пришлось выволочь его на берег на каких-то островах, а там местные жители, в свою очередь, решили ограбить грабителей.

Викинги перебили аборигенов, на радостях перепились, и один из будущих героев Валхаллы изнасиловал Бетти, спяну перепутав ее с местной жительницей.

Разницу в цене капитан вычел из доли насильника. Сама Бетти отнеслась к надругательству философски: восприняла как Божье наказание.

С тех пор она не однажды оказывалась в чужой постели, но это была типичная участь красивой рабыни. Впрочем, как только выяснилось, что она – умелая вышивальщица, с ней стали обращаться аккуратнее да и кормили гораздо лучше других таких же бедняжек.

Хегин купил ее на рынке в Хедебю именно как вышивальщицу. Дорого купил. Но, по его словам, денег этих работница стоила.

Надо ли говорить, что в первую же ночь Бетти прилегла ко мне в постель...

Молоденькая, теплая, приятная на ощупь и с виду... Прилегла и замерла. Сжалась, закрыла глазки... Ничего хорошего от свирепого викинга (меня то есть) молоденькая англичаночка не ждала. Знала по прежнему опыту: будет больно... Или очень больно.

Бедная девочка.

Сначала я хотел просто ее выгнать (ну не люблю я, когда – по обязанности), но тут такой запущенный случай...

Я, конечно, всё понимаю. Время такое, нравы... А это несчастное существо отныне принадлежит мне. Моя собственность. Страшная всё-таки вещь – рабство. Невозможно изменить здешний уклад, по которому сотни тысяч людей обречены страдать. Мир жесток, говорил мне мой папа, когда я, еще мальцом, жаловался на несправедливость. Ты не можешь помочь всем. Поэтому береги и защищай тех, кто рядом. А остальным просто сам не делай плохого. По возможности.

Ох, трудно ему было заниматься бизнесом в России! С такими-то убеждениями.

– Сейчас мы будем просто спать, – сказал я малышке Бетти на своем несовременном английском. – А с завтрашнего дня, я обещаю, тебя никто больше не тронет. Никто.

Погладил ее по голове, повернулся на другой бок и уснул.

Когда проснулся, Бетти рядом не было. Зато у лавки терся Хавчик. Ждал распоряжений.

– Завтрак, – скомандовал я. – И собирай меня в дорогу. Поеду в Роскилле.

– А я? – спросил мой трэль.

– А ты останешься здесь, старшим. И чтоб порядок был. И еще... Девчонку не трогать. И других предупреди. Кто ей под подол полезет... Вырву с корнем то, чем лазают. Тебя тоже касается.

– Господин! Разве ж я могу? – скорбно вздев брови, воскликнул этот пройдоха.

– Еще как можешь! – Я поймал Хавчика за ухо: – Ты, дружок, очень полезен, спору нет. Но есть у меня мысль: может, без яиц ты станешь еще полезней?

– Плохая мысль, господин, – отозвался Хавчик, терпеливо снося боль в скрученном ухе. – Неправильная.

По скошенным глазам видно: очень ему хотелось понять, шучу я или всерьез.

– Я сказал. Дальше сам решай, – подвел я черту и отпустил Хавчику ухо. – Иди распорядись, чтоб на стол накрывали. Сами покушайте. Я буду попозже.

Встал и вышел на свежий морозный воздух. Отлить, размяться, выкупаться в снегу, пробежаться на лыжах до озера и обратно.

Эх, хорошо быть феодалом! Даже мелким.

* * *

Два мелких феодала въехали в Роскилле. Город Рагнара Лотброка лежал перед нами во всей своей красе. В данный момент «краса» приняла облик вусмерть пьяного викинга, развалившегося поперек ворот. Которые никто не охранял.

Наши лошадки осторожно переступили через «отдыхающего». Судя по вышивке на меховом тулупчике – фриза.

– Не замерзнет? – на всякий случай поинтересовался я у Свартхёвди.

Тот хмыкнул. Ну да, сегодня потеплело. Градусов пять мороза. Жарища. Хоть солнечные ванны принимай.

За воротами наши с Медвежонком пути разошлись. У него были какие-то дела со здешними родичами, а я двинул к «дружинному» дому, арендованному Хрёреком на зиму.

Не дошел. Встретил по дороге одного из наших эстов, Крыта. Вернее, Крыта.

Старина Крыт поведал мне, что Хрёрек-ярл и варяги – на берегу фьорда. Тиранят новобранцев.

Ах да, забыл упомянуть, что в нашем хирде образовалось изрядное пополнение. Целый драккар с экипажем. Наследство геройски побежденного мною Торсона-ярла. Целый выводок норегов из Наумудаля (кажется, так это звучит), присоединившийся к дружине более удачливого вождя. Причем доля Торсона, исчислявшаяся в семи румах вышеупомянутого драккара, перешла к Хрёреку. Несправедливо, правда? Победил я, а плодами победы воспользовался мой ярл. Но здесь так принято. Я был всего лишь выставленным бойцом. Впрочем, за Хрёреком не заржавеет.

Мудальцы, как окрестил я пополнение, были парнями борзыми и грубыми. И от них вечно воняло тухлой рыбой. Или это у меня глюк такой, обонятельный? Едва поладив с Хрёреком, мудальцы тут же начали задираться к нашим. Меня-то не трогали, скорее даже заискивали: покойник Торсон, видать, пользовался у своих подчиненных изрядным авторитетом. Но к нашим молодым, словенам из ладожского пополнения, конкретно докапывались.

Пришлось Трувору с Ольбардом-Синеусом поправить мудальцам седло: пресечь, так сказать, дедовщину.

А тут и ярл подключился: взялся тренировать норегов в общем строю с нашими дренгами. Надо отдать мудальцам должное: бились они неплохо. А строй держали практически идеально. Значительно лучше, чем я. Дренгам было у кого поучиться и на кого опереться в реальном бою. Неделька совместных тренировок – и взаимоотношения наладились. Даже самому тупому норегу понятно: плющить товарища, который в бою будет прикрывать твою мускулистую спинку, – полный идиотизм.

Сейчас мои новообетенные кореша отрабатывали десантирование. Дружно прыгали с вмерзшего в лед ветхого кнорра. Прыгали красиво и громко: с грозным нечленораздельным ревом.

Вообще-то, любимый боевой рык викингов: «Берегись! Я иду!» Так сказать, напоминание слабовидящим.

Но попробуйте проскандировать что-либо прыгая с двухметровой высоты на лед.

– А что у меня есть! – спешившись и пообнимавшись с нашими, интригуяюще произнес я, похлопав по притороченному к седлу бурдюку.

– Молочко для младенцев? – с ходу предположил Руад.

– Угу. Бородатеньких.

– Пиво, – похлопав по бурдюку, легко угадал Трувор. – Похвально, что ты думаешь о товарищах, но зима только началась. Пива здесь пока вдоволь.

– Такого ты здесь не найдешь. Его варила сестренка Свартхёвди.

– О-о-о! – Это был не первый бурдючок, привозимый из усадьбы Рунгерд, так что сей элитный продукт был народу знаком.

– Так чего мы ждем? – воскликнул Рулаф и поглядел на варяжского лидера.

– Не чего, а кого, – строго произнес Трувор. – Ты, молодой, совсем страх ¹¹ потерял. Как можно такое пиво пить – и ярла не попотчевать.

¹¹ Напомню, что в старинные времена слово «страх» означало не просто опасение, а опасение уважительное, я бы даже сказал – сыновнее почтение. Вспомните «страх Божий».

Глава десятая, в которой повествуется о злом коварстве, славных подвигах и трудностях жизни с воином-оборотнем

– Вот на нем, на прадеде нашего Свартхёвди Медвежонка, можно сказать, и оборвалась удача сего славного рода, – неторопливо повествовал наш ярл.

Надо сказать, что в последнее время отношение ко мне Хрёрека стало более сердечным. И вовсе не потому, что я зарезал Торсона-ярла. Эка невидаль: завалил... хускарл признанного единоборца! Мало ли кто кого завалил. Что есть краткий миг личной победы в сравнении с уходящими в вечность деяниями предков? Суета и не более. Смешно думать, что уважающий себя воин упирается исключительно ради бабла. Бабло – это, так сказать, мерило успеха. А вот передаваемая из поколения в поколение слава – это уже на века. Аж до самого Рагнарёка. И Хрёреку-ярлу, Инглингу, потомку (пусть и очень, очень отдаленному) самого, страшно сказать, Одина, считавшему время не днями, а поколениями, истинные приоритеты были очевидны. И вот наконец ярл познакомился с моей, так сказать, родословной. Пусть это лишь имена отца и матери, но уже по одним именам можно выстроить правильную цепочку. И ярл ее выстроил. Не то чтобы тут так уж сразу верили на слово джентльменам. Если придет какой-нибудь немытый фрукт и объявит, что он – сынишка какого-нибудь иностранного конунга, его слова, может, и не станут оспаривать в открытую, но непременно пригласят, так сказать, на фехтовальную дорожку. Ах, сын конунга? Отлично! Коли так, продемонстрируйте-ка, молодой человек, как у вас обстоят дела с традиционными мужскими искусствами! Плавание – ладно. Может, у вас там и моря нету, а вот навыки работы с оружием – это непременно. И манеры, чувство собственного достоинства, понятие о чести... Законы могут быть различны, обычаи и условности – тоже. Но чувство собственного достоинства, храбрость, самоуверенность (чтобы не сказать – наглость) для человека хорошей крови так же естественны, как для собаки – умение чесаться задней лапой.

Не ведая о том, я был нашим ярлом просчитан, взвешен и в данном случае (в отличие от библейского) найден достаточно увесистым, чтобы не положить конец моим притязаниям на благородство, а счесть меня принадлежащим к уважаемому роду.

В пользу этой версии работали еще две вещи: то, что я раньше не распространялся на тему собственного происхождения, и то, что моя вольная интерпретация семейных связей двадцатого века прошла «детектор лжи» в лице Рунгерд Ормульфовны.

Но я отвлекся. Сейчас речь шла не о моей родословной, а о славном генеалогическом древе Свартхёвди Медвежонка.

Одаль, которым нынче управляла его матушка, был приобретен отдаленными предками много лет назад, еще во времена легендарного конунга Ивара Широкие Объятия. С тех пор владения рода неоднократно увеличивались аж до того времени, когда за руль встал прадедушка Свартхёвди.

Тут удача роду и изменила. Началось с того, что дедушка Рунгерд, единственный сын своего папы, потерял изрядную часть имущества в неудачной (шторм) торговой экспедиции на север и сам едва не откинулся от пустяковой, но вдруг загноившейся раны. Всё шло к тому, что славный род на нем и закончится, но положение спасла вовремя подвернувшаяся бабушка Рунгерд – профессиональная финская вельва. Колдунья то есть.

Излеченный дедушка взял ее сначала наложницей, а потом, после рождения папы Ормульфа, ввел в род и даровал все права законной жены.

Финка родила мужу еще троих сыновей – один другого краше. По местным понятиям, разумеется. Рожа – кирпичом, плечи шире, чем дверь в сортир. Счастливый отец научил дети-

шек всему, что положено, а затем опочил в собственной постели. К этому времени старший из сыновей, прозванный Полудатчанином и слывший большим хитрецом и удачником, уже успел не только жениться на писаной красавице, но и породить дочь Рунгерд. До сыновей дело не дошло, но какие у Ормульфа годы... Да и братья, можно сказать, «на выданье». Вот бы еще денжат немного подкопить, чтобы и они могли начать достойную семейную жизнь на собственной земле...

Словом, сыновья устроили папе роскошное погребение (на покойниках в Дании не экономили) и на полученном в наследство от папы кнорре отправились приумножать родовое имущество в уже известную мне Альдейгыю-Ладогу, где в то время заправлял почтенный батюшка князя Гостомысла.

Расторговались отлично. Набили трюм мехами, воском и рыбьей костью ¹², как минимум утроив вложенное, да и тронулись в обратный путь.

Поначалу судьба им благоприятствовала. Почти до самого дома. Но буквально за десяток переходов от Сёлунда кнорр Ормульфа и его братьев угодил в шторм. Не то чтобы очень сильный, но Ормульф решил не рисковать богатым и не любящим сырости товаром и пристал к берегу.

Это было неправильное решение, но ни Ормульф, ни его братья этого еще не знали. Они полагали, что датский ярл, владевший этим берегом, – добрый друг их семьи.

Так оно и было... До тех пор, пока этот самый ярл не узнал, что в кнорре Ормульфа и его братьев – целое состояние.

Они же сами ему и рассказали на щедром пире, данном в честь дорогих гостей. Услыхав об этом, ярл стал еще радушнее, выставил самое лучшее пиво и порадовал гостей дорогими подарками.

Ормульф в ответ обещал отдариться еще щедрее... Увы. Он не знал, что отдарком станет кнорр со всем содержимым...

Ночью, когда сытые и пьяные братья вместе с командой уснули, ярл преспокойно перерезал всех и забрал не только свои подарки, но и все товары братьев вместе с очень хорошим кнорром, построенным их отцом, в прошлом – добрым другом ярла.

Конечно, это было грубым нарушением законов гостеприимства в частности и законов Дании в целом. А поскольку шила в мешке не утаишь, то информация о преступлении дошла не только до несчастной вдовы, но и до самого конунга Харека. Не нынешнего, а его отца.

Однако ярл не сидел сложа руки, а загодя прислал конунгу такие щедрые дары, что тот охотно согласился с его версией происшедшего: кнорр братьев вовсе не пристаивал к берегу со своими владельцами на борту, а просто сел на мель у берегов ярла. И тот, по береговому праву, вполне законно забрал себе и кнорр, и все, что на нем было.

Узнав о злодействе, а также о том, что правосудия ждать бессмысленно, жена, вернее, уже вдова Ормульфа Полудатчанина во всеуслышание объявила, что отдаст дочь и весь богатый одал мужу тому, кто отомстит убийце.

Это был Поступок. Ведь в то время мать Рунгерд была достаточно молода и хороша собой. Так что вполне могла бы наладить и собственную личную жизнь.

¹² Моржовый клык. А может, и мамонтовый, как полагают некоторые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.